

НАСЛЕДИЕ ПРЕДТЕЧ

Том 2 Ресурс

Роман Воскресенский

Наследие предтеч

Роман Воскресенский

Наследие предтеч Том 2 Ресурс

«Автор»

2026

Воскресенский Р.

Наследие предтеч Том 2 Ресурс / Р. Воскресенский — «Автор», 2026 — (Наследие предтеч)

Алексей Громов нашёл базу Предтеч под Уралом — теперь её нужно удержать. Вокруг Носителя собирается команда: геолог, контрразведчик, снайпер, физик-ядерщик, боевой офицер, офицер радиоразведки. Каждый проходит проверку древнего разума станции и платит свою цену за шаг вперёд. Биржевая торговля Архона приносит деньги, экспедиции на планету с двумя солнцами — ресурсы для реактора и первый контакт с её жителями, а молодой учёный-генетик находит в эдемском цветке то, на что земная медицина не надеялась. Но чем выше мощность базы, тем заметнее её след. За триста сорок световых лет к Земле летит та, кому поручено решить судьбу находки, — куратор Кворума, воспитанная на доктрине «слабые виды — ресурс», но впервые не уверенная, что готова её применить. Приказ на уничтожение не отменён. Просчитаны лишь сроки. Это история о цене знания и о том, кто за неё платит, пока команда и флот среди звёзд готовятся к столкновению, которое уже нельзя предотвратить — только отсрочить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роман Воскресенский

Наследие предтеч Том 2 Ресурс

Глава 1

Меня зовут Алексей Громов. Полковник в отставке. Несмотря на не самый почтенный возраст, за плечами — годы в горячих точках и долгая служба во внешней разведке, там, где о многом не спрашивают вслух и почти ничего не остаётся в личном деле. Три командировки в регионы, названия которых в открытой прессе появлялись разве что в сводках происшествий. Работа, где цена ошибки измерялась чужими жизнями, включая собственную, а выговор был в этом списке далеко не на первом месте. Ранение поставило точку раньше, чем я рассчитывал: пуля на рикошете и то, что она оставила в позвоночнике, — достаточный повод для медицинской комиссии, чтобы вежливо, но необратимо указать мне на дверь. Полтора года реабилитации, три операции, врач, повторявший на каждом осмотре одну и ту же фразу про «неполное восстановление подвижности», — я выучил её интонацию раньше, чем перестал в неё верить.

Мирная жизнь не задалась сразу. Не потому что не пытался, — просто оказалось, что человека, привыкшего мыслить категориями операций и прикрытий, гражданские будни выталкивают, как инородное тело. Спелеология подвернулась случайно — ещё до ранения знакомый геолог позвал в пещеру для разрядки после очередной командировки. Зацепило крепче, чем должно было: тело помнило нагрузки, а под землёй, в темноте и тишине, наконец находилось то ощущение управляемого риска, без которого прежняя жизнь была невыносима, а нынешняя — пуста.

Месяц назад, сверяя свежие замеры микроклимата по системе входов на Северном Урале, я наткнулся на нестыковку. На глубине двухсот метров температура стабильно держалась на градус выше расчётной нормы — пять лет подряд, без сезонных колебаний, которых требовала бы любая естественная причина. Управляемая стабильность там, где положено быть только случайному шуму. А на архивном скане геологической съёмки девяносто третьего года, у самой отметки аномалии, нашлась полустёртая пометка старого топографа шариковой ручкой: «не наносить на публичную карту» — и рядом обрывок ещё одной строки, «...аномальный объ-

ект...», дальше нечитаемое пятно. Профессиональная привычка не доверять случайным совпадениям сделала за меня выбор раньше, чем я успел его обдумать.

Я пошёл один. Решение, которое задним числом можно назвать неосторожным, — тогда оно казалось единственно верным. Обрыв страховки при спуске в шахту, которой не существовало ни на одной официальной карте, стал последним, что я помню отчётливо: темнота, ускользающее падение, а потом — свет снизу, там, где света быть не могло.

— Добро пожаловать, Носитель, — сказал голос из темноты.

Так началась вторая часть моей жизни, куда более странная, чем первая. База — я узнал это слово раньше, чем узнал многое другое, — приняла меня как носителя генома Предтеч, древней цивилизации, оставившей под уральским камнем законсервированный комплекс, ожидавший своего часа сорок семь тысяч лет. Архон рассказал про Кворум в первые же дни — расу, для которой наследие Предтеч было не наследием, а законным трофеем войны, добытым силой, а не полученным по завещанию. Узнали ли они уже о пробуждении базы или нет, Архон не брался сказать наверняка: протокол «Молчание» снимался по частям, и это был как раз тот вопрос, ответ на который пока оставался закрыт.

С тех пор прошли недели. Марина Соколова, геолог, нашедшая ход на базу собственным упрямством, и Дмитрий Рогов, мой старый друг и такой же бывший офицер, каким был я сам, — теперь часть того, что заменяет мне семью. Интеграция дала нам общий канал — беззвучную связь, которую я не могу описать точнее, чем ощущение чужого присутствия на краю сознания, готового отозваться без единого произнесённого слова.

Именно в этот канал вторгся Архон, обрывая цепочку моих мыслей о карте местности так же резко, как когда-то оборвалась страховка.

— Носитель, — сказал он тем ровным, лишённым интонаций голосом, который я успел выучить наизусть. — Вижу движение группы из четырёх человек в трёх километрах от базы. Направление — прямое, курс не меняется последние семь минут.

Я поднялся с валуна, на котором сидел, разглядывая распечатку старых координат, и почувствовал, как тело — привычка пятнадцатилетней давности — само собой подобралось, готовясь к работе.

— Ещё информация?

— Темп движения — походный, не боевой. Экипировка — гражданская с элементами тактической. Не патруль. Целенаправленный выход.

Достаточно, чтобы не тратить время на предположения. Я потянулся мыслью в канал, коротко, без предисловий: *Марина. Дим. Есть контакт.*

Слышу, — отозвалась Марина почти мгновенно, и в этой короткости я узнал её привычку не тратить слов на панику, даже когда для паники есть повод.

Иду, — коротко подтвердил Рогов, и я уже знал, что застаю его у выхода через минуту, не больше: он всегда одевался быстрее, чем требовала ситуация, будто заранее готовился к тому, что ситуация потребует.

Курс, которым шла группа, вёл прямо на наш район — для случайных туристов слишком точно. Времени на подготовку было немного, но достаточно.

Рогов появился на выходе из portalного зала, застёгивая куртку на ходу, и посмотрел на меня тем взглядом, каким смотрел всегда перед выходом на операцию, — спокойным, без единого лишнего вопроса, потому что вопросы отнимали время, которого не было.

— Сколько их?

— Четверо. Идут вслепую — не знают, что мы уже знаем.

— Хороший расклад, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение профессионала, которому наконец дали работать по специальности, а не разбирать чужие отчёты. — Марина остаётся на канале?

— Остаётся, — подтвердила Марина в канале раньше, чем я успел ответить за неё. — Буду вашими глазами снизу.

По пути к выходу мы завернули в оружейный отсек — тот самый сектор базы, куда Архон открыл нам доступ ещё в первую неделю, объяснив, что снаряжение Предтеч выдаётся Носителю и интегрированным членам команды без ограничений. Рогов снял с полки два усмирителя — приземистые, неожиданно лёгкие для оружия такого назначения, с рукоятью, отлитой явно не под человеческую ладонь, но легшей в мою на удивление удобно. Следом — два браслета-щита.

— Родные, — сказал он, проверяя заряд по индикатору на корпусе. — Не земные подделки.

Я кивнул, забирая свой комплект. Браслет защёлкнулся на запястье сам, стоило поднести его ближе, и в оверлее тут же встала тонкая полоса заряда щита — рядом со счётчиком обоймы усмирителя и прицельной меткой, которые система выводила туда же, стоило поднять оружие. Мы уже пользовались этим оружием однажды, в первые дни на базе, когда Архон показывал арсенал, и с тех пор я не видел смысла брать что-то другое: направленный нейронный импульс, два режима на выбор — нелетальный, отключающий на несколько часов, и смертельный, — оружие расы, которая, судя по всему, умела воевать, не превращая войну в бойню. Сорок зарядов в обойме, дальность в полсотни метров — достаточно, чтобы работать с дистанции, на которой нас попросту не успеют разглядеть.

Мы поднялись на поверхность через полчаса, оставив себе запас времени на то, чтобы выбрать позицию раньше противника. Урал встретил обычной для этого времени года сыростью, запахом хвои и прелой листвы, тем особым безразличием тайги, которая одинаково равнодушно примет и охотника, и добычу. Мы залегли на скальном выступе, откуда просматривалась единственная тропа, ведущая к распадку — та самая, по которой должна была пройти группа, судя по расчётам Архона, транслируемым мне прямо в канал связи короткими, без единого лишнего слова, сводками.

— Триста метров, — сказал Рогов одними губами, не отрывая взгляда от бинокля. — Идут развёрнутым строем, не колонной. Профессионалы, но не элита.

— Хорошо. Значит, сыграем на том, что они не элита.

План родился быстро, потому что все хорошие планы в таких обстоятельствах рождаются быстро или не рождаются вовсе. Мы не собирались их уничтожить — Архон дал понять, что живой пленник стоит на порядок дороже мёртвого тела в любых расчётах, где важна информация, а мне сейчас были нужны прежде всего имена. Рогов ушёл в обход, ниже по склону, туда, где тропа сужалась настолько, что группе пришлось бы растянуться в цепочку. Я остался на прежней позиции — приманкой, достаточно заметной, чтобы привлечь внимание, и достаточно осторожной, чтобы не спровоцировать стрельбу раньше времени.

Я позволил себе быть замеченным ровно на секунду дольше, чем следовало случайному человеку в лесу, — движение плеча, отблеск металла карабина на солнце. Реакция группы была мгновенной: перестроение, короткие жесты вместо слов, двое уходят в стороны фланговым манёвром, двое держат центр. Действовали грамотно. Действовали так, как действовал бы я сам десять лет назад.

Именно эта грамотность их и подвела. Растянувшись флангами, они открыли тот самый узкий участок тропы, куда уже вышел Рогов. Первый разряд ушёл в цель беззвучно — здесь оружие такого рода очередей попросту не признавало, только прицельные, экономные удары, — и передний боец группы осел, не успев понять, откуда пришёл удар в плечо. Нелетальный режим — выбор, сделанный заранее: последнее слово в этом выборе всегда оставалось за нами, и я предпочитал оставлять его именно таким. Второй заметил, как оседает товарищ, и рванулся было в сторону, разворачиваясь на движение, но получил такой же разряд в бедро прежде, чем закончил разворот, оседая в мокрый мох так же тихо, как первый.

Оставшиеся двое бросились в укрытие. Один вслепую развернулся и выстрелил на звук моих шагов, не успев толком прицелиться. Толчок в грудь пришёл глухим ударом через одежду, не пулей, — щит принял его молча, без вспышки, и только полоса его заряда в оверлее коротко просела на треть, прежде чем снова замерла. Укрытие на этом участке склона было понятием условным — редкий березняк, пара валунов, торчащих из земли, будто их специально расставили для засады, только для чужой, не для их собственной. Я уже спускался сверху, отрезая им путь назад, стреляя с той экономностью, какой требовала задача: обездвижить, оставить в живых, дать возможность заговорить позже. К тому моменту, как всё закончилось, прошло меньше трёх минут, и на тропе лежали четверо — оглушённые, обездвиженные, лишённые всякой возможности ни сопротивляться, ни бежать, но дышащие ровно, с тем спокойствием, какое даёт только точно выставленный режим импульса.

— Чисто, — сказал Рогов, поднимаясь из укрытия и проверяя пульс у ближайшего. — Все дышат.

— Тащим вниз.

Портал на базу занял времени меньше, чем потребовалось бы на то, чтобы дотащить их до ближайшей дороги. Марина встретила нас у входа с тем выражением лица, которое появлялось у неё всякий раз, когда приходилось иметь дело с последствиями чужого насилия, — без паники, но и без притворного равнодушия.

— Медблок готов, — сказала она. — Архон уже настроил протокол допроса.

Марина держалась в стороне от процедуры, но не ушла — стояла у стены медблока, скрестив руки, и смотрела на экраны с показателями жизнедеятельности так внимательно, будто её присутствие само по себе было гарантией, что процедура не выйдет за пределы необходимого. Я не спрашивал её, зачем она осталась. Ответ был очевиден и без слов: кто-то в этой комнате должен был следить не только за тем, что мы узнаём, но и за тем, чем мы за это платим.

Допрос занял немногим больше часа. Архон умел работать с сознанием пленных так, что физическое воздействие оказывалось почти не нужным, — достаточно было верно подобранной комбинации препаратов из медблока и того особого давления, которое я, признаться, до сих пор не научился до конца объяснять словами. Один за другим четверо называли то немногое, что знали сами: имена кураторов, названия структур прикрытия, за которыми угадывалась куда более серьёзная сеть, чем простое армейское подразделение. Ни один из них не знал ничего о Кворуме напрямую — они были инструментом, не более, звеньями цепи, тянущейся куда-то дальше и выше, чем позволял видеть их уровень допуска.

Но имена — уже кое-что. Имена значили, что при должном терпении можно будет проследить цепочку до тех, кто действительно понимал, ради чего его посылают в уральский лес искать несуществующую точку на карте. Рогов записывал каждое название и каждую фамилию в собственный блокнот, не доверяя одной только памяти базы, — старая привычка, оставшаяся с тех времён, когда единственной надёжной системой хранения данных была бумага, которую можно сжечь за секунду, если придётся уходить быстро.

— Знакомые структуры? — спросил я, когда он захлопнул блокнот.

— Пара фамилий знакомы. Остальное — новое. — Он потёр переносицу, тем жестом, каким всегда сопровождал не самые приятные выводы. — Если это те, о ком я думаю, нас искали не первую неделю. Твоё падение в шахту кто-то заметил гораздо раньше, чем ты сам успел прийти в себя.

Мысль неприятная, но не лишённая смысла. Слишком быстро и слишком слаженно действовала первая группа для случайного столкновения — кто-то отслеживал этот район заранее, задолго до того, как я сам узнал о его существовании.

— Достаточно, — сказал я, когда последний из четверых закончил говорить, и голос его снова стал вялым, теряющим фокус под действием препарата. — Архон, сотри им память. С момента, когда они узнали о цели операции, — до этой секунды.

— Выполняю, — ответил Архон, и в этой короткой фразе не было ни капли сомнения, будто просьба стереть кому-то часть жизни была для него самой обычной технической операцией, каковой она, вероятно, для него и являлась.

Процедура заняла минуты. Когда всё закончилось, четверо крепких мужчин спали тем ровным, глубоким сном, какой не снится по-настоящему испуганным людям, — потому что страх, испытанный ими, тоже канул вместе со всем остальным, что случилось за последние сутки.

Мы с Роговым вынесли их через портал в посёлок, на дорогу у самого въезда, туда, где старый указатель километража давно уже покосился настолько, что читать на нём цифры не было никакой возможности. Машину — их же собственный внедорожник, оставленный в паре километров от начальной точки маршрута, — Рогов подогнал сам, аккуратно, не привлекая внимания редких в этот час прохожих.

— Классика, — сказал он, оглядывая пологий поворот перед въездом в посёлок с тем деловитым прищуром, с каким смотрел на любую задачу, где точность значила больше, чем грубая сила. — Версия простая: не справились с управлением на скользком повороте, обычное дело в это время года. Разница важная, если кто-то начнёт разбираться слишком дотошно — усталость за рулём проверяют иначе, чем банальный занос.

Мы уложили четверых по местам — двоих в салон, двоих в кресла впереди, — и Рогов, коротко посоветовавшись со мной взглядом, вывел машину на скорости, достаточной, чтобы после короткого управляемого скольжения она уткнулась носом в сугроб на обочине, не причинив никому серьёзных травм, кроме тех, что легко объяснялись самой аварией. Со стороны это будет выглядеть именно так, как должно: компания приятелей, неудачно рассчитавших выезд на охоту, ушедшая с дороги на скользком участке. Ни одна деталь не укажет на то, что случилось на самом деле в трёх километрах отсюда, в лесу, где через месяц никто уже не вспомнит о короткой перестрелке.

Мы возвращались на базу молча, тем особым молчанием, которое не требовало слов, потому что оба думали об одном и том же: это была только резервная группа, вторая по счёту, и последней она точно не станет. Кто-то отправит следующую — быстрее, чем нам хотелось бы, и, вероятно, подготовленную лучше. Рано или поздно среди тех, кого мы возьмём, окажется человек, стоящий выше кураторов среднего звена, знающий подлинное направление и подлинную цель, а не только имена, за которыми угадывается чужая, пока безликая воля.

Кто именно охотится за базой Предтеч — и сколько времени у нас остаётся до того, как они перестанут посылать разведку и придут всерьёз.

— Архон, — сказал я, когда портал закрылся за нашими спинами и знакомый гул систем базы снова окружил меня со всех сторон. — Что у нас с анализом изъятой аппаратуры?

— Обработка продолжается, Носитель. Первые результаты — через два часа.

Два часа. Я посмотрел на Рогова, тот пожал плечами с видом человека, для которого ожидание давно перестало быть проблемой, требующей эмоциональной реакции.

— Будем считать это отдыхом, — сказал он. — Раз уж выдался.

Я не был так уверен, что отдых — подходящее слово для того, что нас ждало впереди, но спорить не стал. Где-то далеко ждала раса, для которой наше пробуждение рано или поздно перестанет быть тайной — если уже не перестало. И этой неопределённости было достаточно, чтобы понимать: сегодняшняя стычка в лесу — только первая строчка гораздо более длинной истории, конца которой я пока не видел.

Я подошёл к смотровому экрану в главном зале — единственному месту на базе, откуда Архон выводил изображение поверхности в реальном времени, — и долго стоял, глядя на тёмный, безразличный к нашим планам лес. Где-то там, за деревьями, продолжала жить обычная человеческая жизнь: посёлок, дорога, покосившийся указатель, четверо спящих людей в занесённой снегом машине, которые завтра проснутся с чужой, заботливо подготовленной для них

историей вместо собственной. А здесь, глубоко подо мной, гудели системы станции, построенной расой, исчезнувшей тысячелетия назад, и ждала следующего хода игра, правил которой я до конца не знал сам.

— Носитель, — сказал Архон, будто уловив направление моих мыслей раньше, чем я успел их оформить в вопрос. — Обработка изъятой аппаратуры завершена на сорок процентов раньше срока. Обнаружены признаки протокола шифрования, не соответствующего ни одному известному земному стандарту.

Я не удивился. Пожалуй, я вообще перестал удивляться где-то между падением в шахту и этим вечером — осталось только спокойное, будничное ощущение человека, разбирающего очередную рабочую задачу, только теперь ставки в ней выросли многократно: на кону стояла уже не только моя собственная жизнь.

— Покажи, что есть, — сказал я и пошёл к исследовательскому блоку, где меня уже ждали Марина и Рогов.

Работа продолжалась.

Глава 2

Меня зовут Сайра Ирвель. Ранг — куратор третьего круга, аналитическая служба Коалиционного Дома. Для тех, кто не знаком с внутренним устройством Кворума Жнецов, это звучит скучнее, чем есть на самом деле: я читаю чужие поражения так, как другие читают победы, — внимательно, без спешки, стараясь понять, что в цепочке решений сломалось раньше, чем сломался результат.

Кворум — не одна раса, что бы ни думали на этот счёт покорённые миры. Под этим именем объединены несколько видов, разных по происхождению и физиологии, но объединённых одним договором и одной целью. Мой народ, хассары, стоит во главе коалиции не по праву силы, хотя силы нам хватает, — по праву древности союза и по праву того, что именно хассары первыми вышли за пределы своей системы и первыми поняли, что технологии решают всё, а всё остальное — материал, из которого технологии добываются. Мы красивы по меркам большинства известных видов, включая тот, о котором пойдёт речь дальше. Реакция у нас вдвое быстрее, чем у большинства гуманоидов сопоставимого роста, сила — на треть выше расчётной для нашей комплекции. Эти качества давно перестали быть предметом гордости — они просто есть, как есть цвет неба над столицей клана, о котором никто не думает, пока не улетит достаточно далеко, чтобы неба не стало вовсе.

Жёсткость к другим видам передаётся с воспитанием — впитывается раньше, чем ребёнок начинает осознанно говорить, задолго до того как складывается характер отдельного хассара. Органические расы без развитых технологий не считаются равными. Их можно изучать, использовать, договариваться с ними о временной пользе — но не более того. Я росла с этим убеждением так же естественно, как с языком и именем клана, и долгое время не видела причин в нём сомневаться.

Причины появились позже, но это разговор для другого раза — сегодня я сидела в аналитическом отсеке станции сопровождения, разбирая донесение, которое пришло с окраинного сектора вместе со скверными новостями.

— Отчёт по объекту «Спящий Якорь» обновлён, — сказала система связи голосом, лишённым какой-либо интонации, что в нашем случае не было признаком совершенства тех-

ники, а было осознанным решением инженеров: эмоции в служебном канале только мешают точности передачи данных.

Я вывела файл на объёмный экран. Данные копились месяцами: пробуждение древней станции на третьей планете жёлтой звезды, сигнал активации портала, зафиксированный спящим зондом системы наблюдения, оставленным там ещё во времена, когда сама я не родилась. Носитель — существо биологического вида, местное название «человек», с генетическим профилем, достаточным для интеграции с системами Предтеч. Аномалия статистического порядка: из всех известных случаев подобной совместимости, зафиксированных за долгую историю охоты Кворума за наследием исчезнувшей цивилизации, эта планета давала едва ли не самый высокий процент.

И теперь — донесение о провале.

Разведывательная структура, которую мы годами выращивали на этой планете под видом земной военно-политической организации, потеряла контакт с передовой группой захвата. Резервная группа, высланная на её поиски, попала в засаду — и через несколько часов её нашли живой, до последней минуты лишённой памяти о задании. Местная полиция зафиксировала обычное дорожное происшествие, вписавшееся в статистику региона без единого лишнего вопроса: у неё попросту не было повода искать глубже. Провал в памяти вскрылся позже, на обязательном после любой потери контакта разборе внутри самой «Дельта-7» — на рутинном опросе вернувшихся, который проводили операторы собственной структуры. Последнее, что помнил каждый из четверых, приходилось на момент получения приказа выдвигаться; дальше — ровная пустота вплоть до того, как их подобрали на дороге. Я запросила повторную проверку данных трижды, прежде чем поверила собственным глазам: четверо подготовленных оперативников, экипированных по стандартам структуры прикрытия, остались невредимы физически, но кто-то последовательно, шаг за шагом, вычистил из их сознания всё, что они успели узнать, и вернул их в исходную точку настолько аккуратно, что расследование даже не открыли. У существа, сделавшего это, не было ни армии, ни флота, ни какой-либо поддержки, кроме той, что успела дать ему станция Предтеч за считанные недели с момента активации.

— Куратор Ирвель, — раздался голос за моей спиной, и я не обернулась сразу, зная по одной интонации, кому он принадлежит.

Дэрхан Кассарит, старший офицер контроля сектора, вошёл в отсек тем шагом, каким входят существа, привыкшие, что пространство перед ними освобождают без напоминаний. Хассар в третьем поколении командного клана, широкоплечий, с той тяжёлой красотой, которую наш вид культивирует в военном сословии веками, — и с той же тяжестью в характере, что делала разговор с ним всегда немного похожим на переговоры с закрытой дверью.

— Я уже читаю, — сказала я, не отрывая взгляда от экрана. — Вторая группа тоже потеряна.

— Я читал раньше вас. — Он остановился рядом, глядя на те же данные с выражением, в котором читалось раздражение куда яснее, чем тревога. — Примитивный вид оказывает организованное сопротивление там, где должен был предоставить лёгкую добычу. Это недопустимо на политическом уровне, куратор. Совет спросит, почему аналитическая служба недооценила противника дважды подряд.

— Совет спросит, — согласилась я, — но вопрос стоит иначе, чем вы его ставите. Мы недооценили не вид в целом. Мы недооценили одного конкретного представителя этого вида — того, кого система идентифицировала как Носителя.

— Разница не имеет значения для результата.

— Разница определяет следующий шаг, — сказала я, наконец повернувшись к нему. — Если проблема в виде — нужна масштабная сила, подавляющая любое сопротивление без разбора целей. Если проблема в одном существе с нетипичными способностями — масштаб

только выдаст наше присутствие раньше времени и лишит нас преимущества внезапности, которым мы пока обладаем.

Дэрхан посмотрел на меня тем взглядом, каким смотрят на подчинённого, чьё мнение выслушивают из вежливости, а не из необходимости.

— Совет уже принял решение по масштабу, куратор. Прочтите директиву целиком, прежде чем предлагать альтернативы.

Я прочла. Формулировка не была окончательной, но не оставляла простора для благодушия: статус объекта — кандидат в Носители, совместимость подтверждена предварительно, автоматическим анализом систем зонда, без прямого наблюдения. Уровень угрозы — повышенный, с эскалацией до критического по итогам независимого подтверждения. Директива предписывала подавить очаг сопротивления на месте и по возможности получить биологическое подтверждение статуса — живым или посмертно; вопрос масштаба следующей волны формально оставался на усмотрение сектора, но сопровождался ясной рекомендацией — при третьей подряд неудаче переходить к кинетическому превосходству без дальнейших согласований. Я читала подобные директивы прежде, применительно к другим мирам, другим видам, и каждый раз внутри что-то сжималось от той лёгкости, с которой формулировка стирала различие между военной целью и случайным свидетелем, оказавшимся не в том месте.

К директиве прилагался второй документ, куда менее срочный по тону и куда более красноречивый по содержанию, — оценка стратегической ценности планеты, составленная профильным отделом задолго до сегодняшнего провала. Устранение Носителя значилось там первым пунктом, отмеченным как первоочередная задача при подтверждении статуса. Второй пункт был сформулирован суше, канцелярским языком, за которым мне не требовался перевод: «интеграция ресурсной базы третьей планеты в производственный контур коалиции» — включение месторождений, пригодных территорий и самого населения в хозяйственный оборот Кворума, на правах актива, а не стороны переговоров. Я видела такие документы применительно к десяткам других миров. Итог для местного населения в них обычно сводился к одному из двух исходов: либо использование в качестве рабочей силы под контролем коалиции, либо устранение как избыточного фактора риска, если использование признавалось нецелесообразным. Какой из двух исходов Совет счёл более вероятным для вида, только что продемонстрировавшего организованное военное сопротивление, документ не уточнял.

— Подавить очаг сопротивления, — повторила я вслух. — Формулировка достаточно широкая, чтобы включать уничтожение случайных наблюдателей, не имеющих отношения к объекту. И, если я правильно читаю приложение, это же самое население впоследствии рассматривается как ресурс интеграции. Два документа противоречат друг другу без объяснения приоритета.

— Не противоречат, — подтвердил Дэрхан без малейшего колебания. — Препятствие устраняется первым. О ресурсной ценности планеты имеет смысл говорить только после того, как угроза, сорвавшая уже две операции подряд, перестанет существовать. Существа низшего технологического уровня не располагают правом на исключение из последствий войны, в которую вступили независимо от собственного желания, — ни в первом пункте, ни во втором.

— Они не вступали в войну. Они защищали территорию, на которую пришли чужаки.

— Куратор Ирвель. — Голос его стал тише, что у Дэрхана всегда служило верным признаком нарастающего раздражения, а вовсе не намерения смягчить сказанное. — Ваша склонность рассматривать примитивные виды как нечто большее, чем ресурс, уже отмечена в личном деле. Дважды. Я бы посоветовал воздержаться от третьей отметки.

Я не ответила сразу. За годы службы я научилась распознавать момент, когда продолжение спора вредит делу больше, чем молчание, — и этот момент наступил именно сейчас. Но внутри, там, где решения принимаются раньше, чем успевают облечься в слова, я уже знала: слепое исполнение директивы в её нынешнем виде обернётся тем же результатом, что и две

предыдущие попытки, — только с большими потерями и меньшим количеством полезных данных на выходе.

— Разрешите альтернативное предложение, — сказала я вместо ответа на его выпад. — Прежде чем третья неудача подряд запустит рекомендацию по кинетическому превосходству, — позвольте мне лично возглавить аналитическую группу непосредственного наблюдения. Собрать данные о Носителе, его окружении, его тактических паттернах. Определить, действительно ли перед нами исключение, требующее исключительного ответа, или же случайность, которую можно устранить точно.

Дэрхан долго молчал, разглядывая меня с тем выражением, которое я видела у него не впервые, — смесь превосходства и лёгкого, почти неохотного любопытства, будто ему было интересно, как далеко я готова зайти в отстаивании позиции, заранее обречённой на формальное поражение.

— Совет не одобрит промедление, — сказал он наконец.

— Совет одобрит меньшие потери и более точные данные. Я не прошу отменить директиву, Дэрхан. Расчётное время скрытного перехода до системы — одиннадцать циклов. Прошу четырнадцать: три сверх пути — на развёртывание наблюдения и подготовку точного удара на месте, вместо немедленного разворачивания сил, которые обойдутся коалиции дороже, чем стоит сама планета.

Аргумент экономии — единственный, к которому Дэрхан прислушивался всегда охотнее, чем к любому другому. Я видела, как расчёт в его голове сдвигается, взвешивая гордость военного сословия против практичности, въевшейся в культуру Кворума глубже гордости.

— Четырнадцать циклов, — сказал он наконец. — Не больше. И вы лично отвечаете за результат перед Советом, куратор. Не я.

— Принимаю.

Он развернулся и вышел так же тяжело, как вошёл, оставив меня наедине с экраном, где данные о Носителе всё ещё висели в воздухе бесстрастным перечнем цифр и предположений. Я закрыла директиву об уничтожении и открыла личное досье — то небольшое, что нам удалось собрать за недели наблюдения через агентурную сеть, прежде чем сеть эта начала рассыпаться одна операция за другой.

Военная биография. Ранение, положившее конец карьере. Одиночество, которое читалось между строк отчётов так ясно, что почти не нуждалось в подтверждении. И тактика — вот что действительно держало моё внимание дольше положенного: ни одного лишнего движения, ни одной ошибки, которую можно было бы списать на удачу противника, а не на собственный просчёт. Он не убивал без необходимости: первую группу, встретившую его на тропе врасплох, он уничтожил полностью — выбора тогда не было; вторую, взятую позже уже с преимуществом на его стороне, оставил в живых целиком, что для существа, только что получившего в распоряжение оружие древней цивилизации, было решением далеко не очевидным. Большинство видов на его месте воспользовались бы новым превосходством для демонстрации силы. Он использовал его для контроля.

Перехваченный фрагмент аудиозаписи прилагался отдельным файлом, помеченным грифом низкой достоверности перевода — универсальный переводчик сети справлялся с человеческой речью не блестяще, слишком много интонационных оттенков терялось между исходным звуком и итоговым текстом. Я запустила запись без перевода, просто чтобы услышать голос: короткие фразы, ровный тон, ни одной лишней паузы там, где большинство существ позволили бы себе хоть тень колебания. Голос принадлежал существу, привыкшему командовать, но не привыкшему повышать голос ради того, чтобы быть услышанным, — качество, которое я слышала прежде разве что у немногих старших офицеров собственного клана, и то не у всех.

— Куратор, — вошла в отсек Вейлар, помощница второго ранга, представительница вида сиирских переводчиков, приданных аналитической службе по договору обмена специа-

листами. Она была одной из немногих на станции, с кем я позволяла себе говорить свободнее, чем позволял устав, — водные гуманоиды сиирэ вообще отличались от хассаров почти во всём, включая отношение к силе как к единственному языку общения. — Вы затребовали архив перехвата. Готов к передаче на ваш терминал.

— Спасибо, Вейлар. — Я кивнула на кресло рядом. — Задержись на минуту, если время позволяет.

Она села, сложив длинные пальцы на коленях тем движением, которое у сиирэ заменяло вздох.

— Дэрхан уже разослал по станции версию о том, что вы отправляетесь наблюдать за уничтожением объекта лично, из принципа. — Она произнесла это без осуждения, просто как факт, который сочла нужным мне передать. — Это не совсем то, что вы планируете, я полагаю.

— Не совсем, — согласилась я. — Директива Совета останется в силе, если я не найду весомых оснований предложить иное. Но я не собираюсь подписываться под уничтожением случайных свидетелей только потому, что так быстрее оформить отчёт.

— Твой народ редко задаёт этот вопрос вслух, — заметила Вейлар, и в её интонации не было ни малейшего упрёка, только констатация давно замеченной закономерности. — У сиирэ иначе. Мы дольше живём, куратор. Когда живёшь достаточно долго, начинаешь замечать, что виды, которые сегодня кажутся ресурсом, завтра нередко оказываются той силой, с которой придётся считаться иначе.

— Ты думаешь, этот вид способен стать такой силой?

— Я думаю, что один его представитель уже дважды переиграл вашу лучшую агентурную структуру на этой планете, располагая технологией, которую осваивает без году неделя. — Вейлар поднялась, аккуратно разглаживая складку форменной ткани на плече. — Остальное — вопрос статистики, а статистику, куратор, ты умеешь читать лучше многих в этом секторе. Именно поэтому Дэрхан тебя терпит, несмотря на две отметки в деле.

Она вышла, оставив меня наедине с архивом перехвата и растущим ощущением, что решение, принятое сегодня, определит куда больше, чем судьбу одной разведывательной операции.

Я поймала себя на мысли, неуместной для куратора третьего круга, обязанного оценивать объект исключительно с точки зрения угрозы и метода устранения: мне хотелось увидеть, как он будет действовать дальше. Не потому что того требовала директива. Потому что сам объект наблюдения оказался интереснее, чем предполагал сухой язык досье.

— Открой канал закрытой связи с разведывательным кораблём сопровождения, — сказала я системе. — Личный код доступа, без регистрации в общем журнале Совета.

— Выполняю, куратор Ирвель.

Пока соединение устанавливалось, я думала о том, что сказал Дэрхан о моём личном деле. Две отметки. Обе — за случаи, когда я предлагала точечное решение вместо массового удара, и обе закончились результатом, который в итоге признали более эффективным, чем изначально предложенный масштабный вариант, — но признание это не отменило самих отметок, потому что в культуре, где сила ценится выше точности, осторожность выглядит слабостью, даже когда доказывает обратное. Я не была уверена, что третья отметка когда-нибудь появится в моём деле, — но была уверена, что готова рискнуть ею ради возможности разобратся в ситуации самостоятельно, а не выполнять директиву, написанную существами, которые ни разу не видели планету вблизи.

Экран засветился сигналом готовности. Я запросила координаты ближайшего разведывательного корабля, способного выйти на скрытную орбиту третьей планеты жёлтой звезды.

— Курс проложен, куратор, — доложила система. — Расчётное время скрытного выхода на орбиту — одиннадцать циклов.

— Принято. Подготовь для меня полный архив перехваченных коммуникаций объекта за последние недели. Всё, что успела собрать сеть до потери контакта.

Одиннадцать циклов пути — почти всё выпрошенное время. Из четырнадцати циклов, которые я выторговала, на саму работу на месте останется всего три: достаточно, чтобы не действовать вслепую, и слишком мало, чтобы позволить себе хоть одну лишнюю ошибку. Я поднялась из кресла аналитического отсека и подошла к смотровому иллюминатору, за которым висела в темноте станция сопровождения — крупный, безликий силуэт технологии, ставшей единственным подлинным божеством моего народа задолго до моего рождения.

Где-то там, в одиннадцати циклах пути, находился мир, который мои соплеменники привыкли считать не более чем источником ресурса — трофеем, оставленным исчезнувшей цивилизацией в качестве последнего испытания для тех, кто сумеет его отобрать, — испытания, а никак не дара, поднесённого добровольно. Я не была уверена, что готова оспорить это убеждение вслух перед Советом. Но впервые за долгую службу мне хотелось увидеть своими глазами существо, ради уничтожения которого коалиция была готова стереть с лица планеты целый регион, — и понять, кто из нас на самом деле точнее оценивает, что заслуживает уничтожения, а что заслуживает права на существование.

Первая отметка в моём деле появилась семь циклов назад, на границе освоенного сектора, где местное население одной из недавно открытых систем отказалось выдать координаты хранилища, не поддающегося силовому вскрытию без риска уничтожить содержимое вместе с попыткой. Тогдашний командующий требовал показательной казни старейшин поселения — метод, испытанный десятками раз и десятками раз приносивший результат быстрее переговоров. Я предложила альтернативу: обмен технологией водоочистки на добровольное сотрудничество. Обмен сработал за три дня без единой жертвы, хранилище вскрыли аккуратно, содержимое сохранили полностью — и всё равно в моё личное дело легла отметка за неподчинение первоначальному приказу, потому что победа, добытая не силой, в системе ценностей моего народа считалась победой второго сорта, почти не считающейся победой вовсе.

Вторая отметка появилась по сходной причине, и я запретила себе вспоминать подробно слишком часто. Решения своего я не стыдилась ни тогда, ни теперь — дело было в другом: каждое такое воспоминание заново поднимало вопрос, на который я так и не нашла удобного ответа для себя самой. Если мои решения раз за разом оказываются точнее решений, принятых по уставу, что именно тогда защищает сам устав — эффективность коалиции или привычку, слишком старую и слишком удобную, чтобы её кто-либо решился подвергнуть сомнению вслух, перед Советом, где голос против традиции значит для карьеры больше, чем голос против врага.

— Куратор, — снова заговорила система, — Дэрхан Кассарит запрашивает подтверждение вашего маршрута для внесения в общий журнал.

Я посмотрела на запрос ещё секунду, прежде чем ответить.

— Подтверди. Пусть знает, куда я направляюсь. Скрывать мне нечего — только своё мнение, а мнение в этот раз я оставляю при себе до тех пор, пока не будет доказательств, способных его подтвердить.

Корабль вздрогнул, отрываясь от станции сопровождения, и жёлтая точка на навигационном экране, обозначавшая далёкую систему назначения, начала медленно приближаться с каждым пройденным циклом пути.

Я зашла в свою каюту и снова открыла досье Носителя, на этот раз задержавшись на единственной сохранившейся визуальной записи — зернистой, снятой издалека камерой скрытого наблюдения, прежде чем та потеряла сигнал вместе со всей резервной группой. Человек на записи не позировал перед объективом, которого не подозревал, — просто шёл через лес тем шагом, каким ходят существа, полностью уверенные в собственной территории, даже когда территория эта была им знакома всего несколько недель. Одиннадцать циклов пути дадут

достаточно времени, чтобы понять, обманчива эта уверенность или заслужена по праву. Я намеревалась выяснить это лично, прежде чем позволить Совету стереть ответ вместе с планетой.

Глава 3

Утро началось с запаха ванили и корицы, разнёсшегося по жилому блоку задолго до того, как я успел открыть глаза, — Марина уже освоилась на кухонном синтезаторе настолько, что перестала полагаться на готовые архивные рецепты Предтеч и принялась экспериментировать с земными, и сегодня результатом эксперимента стали сырники: пышные, румяные до золотистой корочки, с той же ноткой ванили, что я помнил ещё по маминой кухне много лет назад, в жизни, казавшейся теперь почти чужой.

— Из чего ты их вообще сделала? — спросил Рогов, беря второй сырник раньше, чем успел доесть первый. — Творога у нас на базе быть не должно физически.

— Синтезатор способен воссоздать структуру продукта по молекулярной матрице, если объяснить ему, чего именно я хочу, — сказала Марина с той гордостью, с какой докладывала бы об успешном полевом эксперименте. — Сложность была в другом: объяснить Архону, что такое ванильный запах и вкус, вместо сухой формулы вещества.

— Задача решена образцово, — заметил Архон.

За окном, вместо которого у нас была проекция, дождь продолжался уже который день подряд, но здесь, в жилом блоке, за одним столом, с тарелкой горячих сырников и запахом корицы, база всё меньше напоминала подземный комплекс древней исчезнувшей расы и всё больше — обычную кухню обычного дома, где утро начинается с чашки чая и разговора о планах на день, а тревога остаётся где-то за порогом.

Рогов ел и одновременно проверял пистолет — привычка, от которой он не отказывался даже за завтраком, разложив детали на чистой тряпице рядом с тарелкой, так что затвор и половинка сырника лежали друг напротив друга с той же деловитостью, с какой соседствуют на его столе снаряжение и еда уже месяц подряд. Марина неодобрительно покосилась на оружие рядом с посудой, но вслух ничего не сказала, — сражение за чистоту стола она проиграла ещё на второй неделе нашего здесь пребывания.

— Итак, — сказал я, отодвигая пустую тарелку, — что у нас на сегодня по общему списку.

Разговор за завтраком давно превратился в нечто среднее между утренним докладом и семейным советом, — мы обсуждали планы без протокола, без официальных формулировок,

просто потому что все трое всё равно оказывались за одним столом в одно и то же время, а откладывать важное до вечера означало терять полдня впустую.

— Образцы с северного склона показали ту же аномалию, что и в прошлый раз, — сказала Марина, разворачивая перед собой через оверлей проекцию с результатами вчерашнего анализа. — Порода вокруг реакторного крыла продолжает нести остаточную энергетическую сигнатуру, спустя сорок семь тысяч лет после консервации. Ни один известный мне земной минерал так долго ничего не помнит.

— Полезно для чего-то конкретного, — спросил Рогов, — или просто интересно?

— Пока просто интересно, — призналась Марина. — Но если реактор снова заработает в полную силу, эта же порода может стать первым индикатором утечки — раньше, чем сработает любой прибор Архона. Геология иногда честнее датчиков.

— Записывай в список на будущее, — сказал я. — Сегодня список и без того длинный.

— Сегодня список короткий, — поправил Рогов. — Всего два пункта. Просто оба тяжёлые.

Он был прав. Пунктов оставалось действительно немного, но каждый тянул на себе вес, несоразмерный собственной длине формулировки.

Я слушал вполуха, как Марина перечисляла результаты вчерашнего анализа породы, а сам возвращался мыслью к вопросу, засевшему во мне ещё с той минуты, когда Рогов впервые ушёл через лес один, — вопросу, который я до сих пор не сформулировал вслух до конца. Ни Марина, ни Рогов не были способны попасть на базу самостоятельно, без меня, без моего личного присутствия у арки в момент открытия портала. Случись со мной что-то на выходе — обычная случайность, необязательно героическая гибель в бою, — они оба остались бы снаружи, а у базы, по словам Архона, осталось бы девяносто суток на то, чтобы дожидаться меня, прежде чем уйти в самоуничтожение и стереть себя вместе со всем, что мы здесь построили. Мысль эта возвращалась ко мне уже не в первый раз за неделю, и каждый раз я откладывал её на потом, признавая проблему, но не находя момента, чтобы заняться ею вплотную.

Сегодня утром, впрочем, куда более срочной оказалась другая задача, — и я произнёс её вслух прежде, чем успел вернуться мыслью к первой.

— Дим, надо поднимать энергию базы, — сказал я, глядя на Рогова. — Что думаешь?

Он дожевал, отложил затвор на тряпицу и посмотрел на меня тем прямым взглядом, каким смотрел бы на карту минного поля.

— Сами мы не справимся, — сказал он, одновременно цепляя вилкой третий сырник и проверяя пружину, лежавшую перед ним на столе. — Нам нужен человек, который сможет работать с термоядерным реактором. Ни ты, ни я, ни Марина в этом не разбираемся, сколько бы часов ни просидели перед панелью управления.

— Без дополнительной энергии мы не восстановим ни одной технологии Предтеч сверх того минимума, что работает сейчас, — сказал я. — Восемнадцать процентов — потолок, а не временная просадка. Я спрашивал Архона четыре раза за неделю, ответ не меняется.

— Я знаю такого человека! — воскликнула Марина, отставляя чашку так резко, что чай едва не выплеснулся на стол. — Константин Вейс. Физик-ядерщик, я знаю его ещё со студенческих лет — он вёл у нас спецкурс, лучший лектор из всех, кого я слышала за годы учёбы. Хороший человек и очень грамотный специалист, ушёл из Росатома после конфликта с начальством — отказался подписывать отчёт, занижавший реальные риски на одном из объектов.

— Есть его контакты? — спросил я.

Марина кивнула.

— Если номер телефона остался прежним, то да, ему можно позвонить прямо сейчас, — сказала она. — Контакт не близкий, но достаточный, чтобы я поручилась за него не только как за специалиста, но и как за человека.

— Так, — произнёс Рогов, окончательно откладывая пистолет в сторону и переходя в тот режим полной сосредоточенности, что появлялся у него всякий раз, когда разговор переставал быть завтраком и становился планированием операции. — Если он согласится, как мы проведём его на базу? Через лес я тащить постороннего человека не хочу — слишком долгий маршрут, слишком много риска.

— Архон, — позвал я. — У тебя есть какие-нибудь мысли на этот счёт?

— Есть, — ответил голос из ниоткуда, ровный, как всегда. — В архивах Создателей существует концепция стационарного терминала — Узлового Камня, принимающей стороны портала, работающей без необходимости присутствия Носителя в момент активации. Терминал содержит миниатюрный резонансный контур, настроенный на постоянную синхронизацию с базой, и его можно установить в любой заранее подготовленной точке за пределами базы. Локальные сенсоры проверяют биоэнергетический рисунок человека в зоне активации — это пропускной барьер, не более: без совпадения запрос не пройдёт дальше терминала физически. Само обращение исходит не от терминала, а от человека — вслух или через нейроинтерфейс, с указанием точки назначения. Финальное решение об открытии канала в любом случае остаётся за мной — той же логикой, что и активация главной арки, но без нейронной концентрации Носителя.

Рогов на мгновение замер, и я увидел на его лице ту смесь облегчения и лёгкой досады, что бывает у человека, обнаружившего простое решение проблемы, над которой он бился дольше необходимого.

— То есть я мог бы прийти в обычное здание в городе и оказаться здесь без Громова рядом, — сказал он, и в этой фразе я услышал отголосок собственной неозвученной мысли за завтраком, будто мы оба думали об одном и том же порознь.

— Именно так, — сказал Архон.

— Сколько времени на постройку? — спросил я.

— При текущей мощности реактора — около четырёх часов работы нанофабрикатора, — сказал Архон. — Меньше, чем ушло бы на дорогу туда и обратно пешком через лес дважды подряд.

— Четыре часа, — повторил Рогов с удовлетворением человека, услышавшего цифру, устраивающую его во всех отношениях сразу. — Значит, успеем и терминал поставить, и Вейса привезти в один день, если поторопимся.

— Отлично, — сказал я, поднимаясь из-за стола с тем ощущением, какое бывает, когда сразу две проблемы вдруг оказываются решаемыми одним и тем же инструментом. — Значит, пока Архон готовит нам терминал, мы с тобой идём искать и снимать склад. Вечером — к Вейсу. Что думаете?

— Да, отлично, — сказал Рогов, уже вставая и убирая пистолет в кобуру одним привычным движением. — Идём собираться, время не резиновое.

Марина принялась убирать со стола, но остановила меня коротким взглядом прежде, чем я успел выйти из блока.

— Позвоню ему сама, — сказала она. — Голос знакомый убедит быстрее, чем голос незнакомца, представляющегося моим другом.

Поиск подходящего склада занял остаток утра — мы с Роговым прошли через лес, тем самым маршрутом, что уже начинал казаться историческим пережитком, и уже в городе рассмотрели три объекта, прежде чем остановились на четвёртом.

Первый вариант, склад стройматериалов на южной окраине, отпал сразу — слишком людное место, слишком много случайных посетителей за день, каждый из которых мог заметить нечто, не предназначенное для чужих глаз. Второй, бывший цех по пошиву спецодежды, выглядел заброшенным ровно настолько, чтобы привлечь внимание участкового, регулярно проверявшего заколоченные окна на предмет самовольного вселения. Третий вовсе оказался занят

— табличка «сдаётся» на воротах давно устарела, а внутри, судя по звукам, кто-то уже вёл собственный полулегальный бизнес, разбираться в котором нам было ни к чему.

Четвёртый — бетонный бокс в промзоне на восточной окраине, когда-то сданный полулегальной логистической конторе, давно свернувшей деятельность и не продлившей истёкший договор аренды, — подошёл сразу. Тихий двор, единственный вход, соседи, занятые исключительно собственными делами.

— Здесь, — сказал Рогов, обойдя пустое помещение с той же внимательностью, с какой оценивал бы позицию перед боем. — Один вход, ворота с дверью и сигнализацией, никто из соседей носа не сунет.

Владелец, немолодой мужчина с усталым взглядом человека, для которого любой платящий арендатор был находкой, не задал ни одного лишнего вопроса, довольствуясь наличными и подписью на бланке, составленном заранее нашей подставной компанией.

— Значит, здесь и поставим, — заключил Рогов.

Архон подтвердил готовность терминала раньше, чем мы успели вернуться пешком до опушки, — четыре часа, обещанные им за завтраком, истекли почти минута в минуту с нашим возвращением к portalу. Плоский, размером с толстую книгу, с тем же характерным холодком материала Предтеч, терминал ждал нас на столе исследовательского блока, единственный овальный участок его поверхности слабо светился в ответ на прикосновение.

Терминал закрепили в дальнем углу склада, за фальшивой перегородкой, отделявшей небольшую техническую нишу от основного объёма помещения. Снаружи перегородка выглядела частью системы вентиляции, а изнутри скрывала ровно то пространство, которое требовалось для активационной зоны, — не больше и не меньше.

Рогов настоял на проверке прежде, чем мы позволим себе поверить Архону на слово. Встал в очерченную зону, произнёс «Цитадель» вслух — и пропал в короткой вспышке света снизу, чтобы через минуту вернуться тем же путём, уже с базы, с тем удовлетворённым видом человека, лично убедившегося в надёжности решения, а не принявшего его на веру.

— Держит, — сказал он. — Ни задержки, ни сбоя.

Я прошёл следом, для очистки совести, — тот же результат.

Прежде чем вы уедете, нужно проговорить систему защиты, — прозвучал голос Архона сразу в сознании у обоих, тем же способом, каким мы с Роговым уже привыкли говорить друг с другом на расстоянии, минуя необходимость озвучивать что-либо вслух. *Это единственный узел сети, физически находящийся вне периметра базы, и потому заслуживающий отдельного внимания.*

Я не сразу привык к этому — Архон впервые обращался к нам обоим одновременно голосом по каналу.

Слушаем, — ответил Рогов тем же способом, не разжимая губ.

Первый уровень — обнаружение, — продолжил Архон. *Сенсоры биоэнергетического отпечатка распределяются вокруг терминала в радиусе пятидесяти метров, устанавливаясь одновременно с сенсорами визуализации в процессе развёртывания, без постороннего участия. Каждый объект в этом радиусе проверяется на совпадение с известным отпечатком, зафиксированным при интеграции. Сам биоэнергетический отпечаток у человека так же уникален, как отпечаток пальца, но, в отличие от отпечатка пальца, не обязательно останется исключительно человеческим свойством, если круг союзников когда-нибудь расширится за пределы вашего вида. Всё передаётся мне в реальном времени, без задержки.*

Рогов обвёл взглядом пустое помещение склада, не находя ни одного сенсора, сколько бы ни всматривался.

Где именно они? — спросил он тем же каналом.

Не скажу,— ответил Архон. Не из недоверия — из принципа: чем меньше людей знают точное расположение сенсоров, включая вас самих, тем труднее их найти и вывести из строя целенаправленно, будь то случайный вандал или профессионал, знающий, что искать.

Рогов на секунду задержал взгляд на потолке, признавая логику коротким кивком, хотя ответ ему явно понравился меньше, чем понравился бы более удобный, но менее надёжный.

Второй уровень,— продолжил Архон. Что происходит, если кто-то чужой всё же дойдёт до терминала. Пассивное противодействие: при обнаружении постороннего активационная зона блокируется автоматически. Сторонний человек физически не может открыть канал, сколько бы ни пытался, — терминал попросту не отвечает на его присутствие. Если он найдёт сам терминал и вскрыет корпус в поисках механизма, увидит не работающую технологию — ложный интерфейс: набор нерабочих плат, спроектированный так, чтобы выглядеть неисправным оборудованием.

А если он умный и не поверит в неисправность?— спросил Рогов.

Тогда остаётся последняя мера,— ответил Архон. Самоуничтожение по моей команде. Мгновенное, без взрыва, без огня, без звука, который привлёк бы внимание за пределами помещения. Терминал рассыпается в нейтральную пыль — материал, не представляющий ценности и не поддающийся анализу земными методами.

К тому моменту, как солнце начало клониться к вечеру — насколько вообще можно было судить о времени суток по короткой сводке погоды, которую Архон выводил мне на оверлей, — терминал был готов принять первого гостя.

Марина дозвонилась до Вейса ещё днём. Голос его, судя по её пересказу, звучал ровно так же, как она помнила по студенческим годам, — чуть рассеянный, чуть насмешливый, но заинтересованный настолько, что она не успела закончить и половины заготовленной фразы, прежде чем он согласился на встречу этим же вечером.

К дому его мы поехали втроём — Марина настояла, что её присутствие убедит его быстрее любых моих объяснений, а Рогов не собирался отпускать меня одного в город, где каждая лишняя минута на улице оставалась риском, сколько бы времени ни прошло с моего официального исчезновения. Ехали на такси, вызванном прямо у склада, — старый район Екатеринбурга встретил нас той обжитой бедностью, что связана исключительно с тем, сколько лет человек прожил на одном месте, и почти никак — с деньгами как таковыми.

Дверь открылась не сразу — сначала звук нескольких замков, отпираемых один за другим с той неспешной обстоятельностью человека, для которого безопасность жилища давно стала простой привычкой. На пороге возник невысокий мужчина под пятьдесят, с растрёпанными седыми волосами и очками, съехавшими на кончик носа.

— Марина! — сказал он, и в его голосе прозвучало неподдельное удивление, смешанное с той радостью, с какой встречают гостя, появление которого само по себе уже становится событием. — Заходите, заходите. Извините за беспорядок.

Беспорядком оказалась квартира, целиком превращённая в архив: книги на каждой свободной поверхности, формулы мелом по грифельным доскам вдоль стен, уравнения, переходящие одно в другое без видимой границы. Три кошки — рыжая, чёрно-белая и совершенно седая от старости — расположились в разных углах комнаты с тем достоинством, с каким располагаются существа, полностью убеждённые в собственном праве на любую поверхность жилища.

— У нас к вам предложение, Константин Иванович, — сказал я, когда Вейс освободил для нас пространство на продавленном диване, сдвинув очередную стопку книг. — Термоядерный реактор, нестандартная конструкция, восемнадцать процентов от проектной мощности. Требуется специалист, способный поднять эту цифру.

Вейс замер с очками на полпути к переносице.

— Термоядерный, — медленно повторил он, будто проверяя слово на прочность. — Ни в одной стране мира нет ни одного действующего термоядерного реактора, молодой человек. Есть экспериментальные установки, которые пока сжигают больше энергии, чем производят. То, что вы описываете, физически не существует — по крайней мере, в открытых источниках, а я слежу за ними профессионально.

— Не в открытых, — сказал я. — Поясню, если согласитесь поехать с нами сегодня же.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, затем на Марину, затем снова на меня — и в этом взгляде читался быстрый профессиональный расчёт человека, взвешивающего, стоит ли задавать уточняющие вопросы сейчас или довериться незнакомой ситуации до конца, а вовсе не растерянное сомнение.

— Марина ручается за вас, — сказал он наконец. — Мне этого достаточно. Когда выезжаем?

— Прямо сейчас, если готовы, — сказал Рогов.

Вейс поднялся, снял с крючка потрёпанную куртку, а затем остановился, разглядывая трёх кошек с тем виноватым выражением человека, которому предстоит принять решение, не спросив согласия у тех, кого оно тоже касается.

— Кошек не с кем оставить, — сказал он. — Ни родственников поблизости, ни соседей, которым я доверял бы ключ.

— Берите с собой, — сказал я, не задумываясь дольше секунды. — Места хватит на всех троих.

Он посмотрел на меня так, будто этот простой ответ убедил его сильнее любого объяснения про реактор.

— Логика человека, которому явно приходилось решать более сложные задачи, чем расселение кошек, — сказал он, доставая с антресоли переноску, судя по потёртостям, использовавшуюся не в первый раз.

— Их зовут Планк, Бор и Кюри, — добавил он, лоя рыжую кошку, попытавшуюся улизнуть под диван при виде знакомого предмета. — Предупреждаю сразу, чтобы потом не удивлялись именам в переключке.

— Учёная компания, — заметил Рогов, не удержавшись от короткой усмешки.

— Единственная, с которой я готов был мириться последние семь лет, — сказал Вейс, закрывая переноску на защёлку. — Надеюсь, ваш реактор окажется терпеливее моих бывших коллег по институту.

Обратно к складу ехали вчетвером, с переноской на коленях Вейса, откуда доносилось приглушённое, но безостановочное недовольство сразу троих голосов. Марина всю дорогу что-то рассказывала ему о своей работе на новом месте, тщательно избегая деталей, которые мы договорились приберечь до самого терминала, а Вейс слушал внимательно, время от времени поглядывая в окно с той сосредоточенностью, с какой смотрел бы на доску, где кто-то начал решение задачи, но остановился на середине.

На складе я провёл его за перегородку, в техническую нишу, и коротко объяснил порядок: встаём вместе в очерченной зоне, точку назначения называл я.

— Цитадель, — сказал я вслух.

Портал сформировался снизу, плоским кругом света, и охватил нас четверых разом. Переход прошёл гладко, без малейшей заминки, будто зона активации и была рассчитана именно на такую нагрузку.

Портальный зал встретил нас ровным светом. Вейс замер на месте, и на пару секунд профессиональная невозмутимость дала трещину — он медленно повёл взглядом по сводам, по аркам, по масштабу зала, никак не укладывавшемуся в рамки бетонного бокса, из которого мы только что шагнули.

— Мы больше не в промзоне, — сказал он. Не вопрос — констатация.

— Не в промзоне, — подтвердил я. — Объясню по дороге к реактору, если позволите сперва отдышаться самому — я когда-то стоял на этом же месте с похожим лицом.

Он кивнул и справился с собой быстрее, чем я ожидал бы от человека, только что переступившего порог невозможного, — взгляд вернулся к стенам, туда, где вились тонкие энергетические линии, и переноска в его руках подрагивала от возмущённого шевеления кошек, пока сам он этого будто не замечал вовсе.

— Материал не является ни одним из известных сверхпроводников, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Структура решётки должна была бы разрушаться при подобной плотности энергопотока.

— Верно подмечено, — сказал Архон, и Вейс, услышав голос из ниоткуда, дёрнулся тем резким движением, каким реагируют на неожиданность, а не на подтверждение собственной гипотезы.

— Кто это? — спросил он, безуспешно пытаясь найти источник голоса взглядом.

— Архон, — сказал я. — Хранитель этого места. База, о которой не знает почти никто на планете, — расскажу подробнее, обещаю, но сейчас главное: вы в безопасности, и обратный путь открыт в любой момент, если захотите.

— Не человек, — сказал Вейс, скорее для себя, чем в качестве вопроса.

— Не человек, — подтвердил Архон. — Но это не сужает рамки нашего с вами разговора. Добро пожаловать. Прежде чем пройдем к реактору, необходима процедура допуска: биометрия, генетический профиль, затем базовая интеграция.

— Что это значит на практике? — спросил Вейс, всё ещё не отрывая взгляда от стен, но в вопросе впервые прозвучала осторожность, а не одно любопытство.

— Безопасная и полностью обратимая процедура, — ответил Архон. — Меньше пяти минут, без боли и последствий.

— Тогда быстрее, — сказал Вейс после короткой паузы. — Мне не терпится увидеть сам реактор. А объяснения насчёт того, где я нахожусь и с кем разговариваю, охотно выслушаю по дороге, как и обещали.

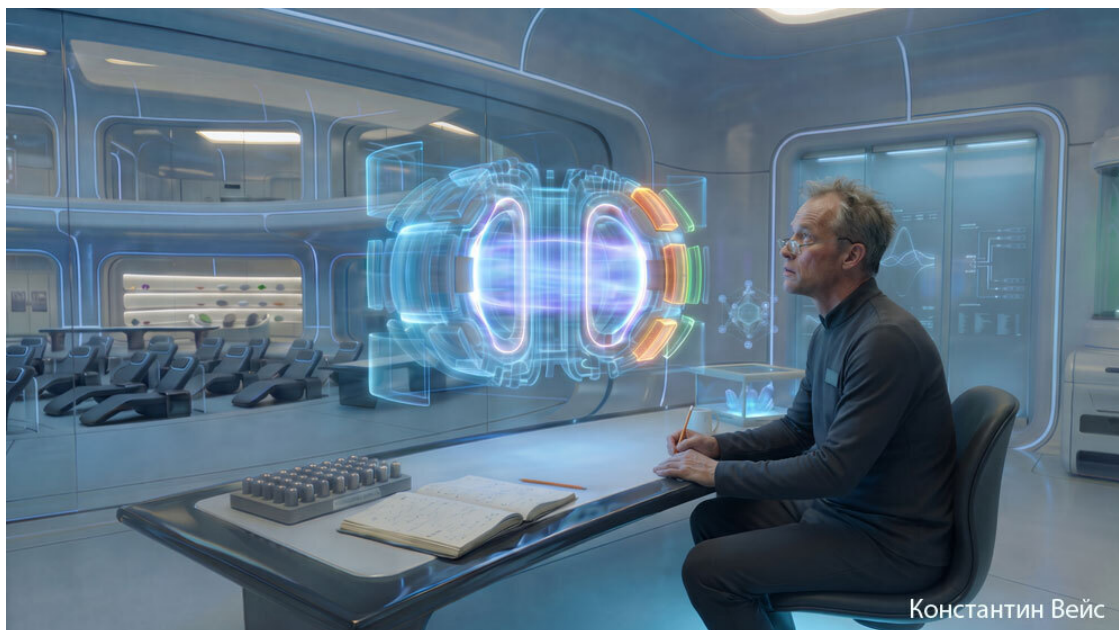
Пока Марина устраивала переноску с кошками в жилом блоке, а Рогов провожал Вейса к медицинскому блоку, я стоял у арки, глядя на терминал, дистанционно подтвердивший себя готовым к работе, и думал о том, что за один этот день решились сразу две проблемы, ещё утром казавшиеся мне разрозненными и неподъёмными по отдельности. Зависимость команды от моего личного присутствия у портала исчезла тем же самым устройством, что привезло нам специалиста, способного вытащить реактор из восемнадцати процентов застоя. Совпадение выглядело слишком удачным, чтобы быть просто везением, — скорее закономерным следствием того, что правильные решения, однажды найденные, обычно закрывают больше одной задачи разом.

— Архон, — сказал я вслух. — Обнови список приоритетов. Портал больше не завязан только на мне. Реактор получил специалиста. Обе задачи, поднятые сегодня за завтраком, закрыты в основном, если не до конца.

— Уже фиксирую, — сказал Архон, и в этой короткой фразе прозвучало то ровное удовлетворение, с каким он неизменно подтверждал завершение важного этапа.

Из коридора донёсся приглушённый недовольный вопль одной из кошек, а следом — смех Марины, впервые за день по-настоящему беззаботный. Я улыбнулся сам себе, тем движением, каким позволял себе редкие минуты покоя за последний месяц, и пошёл следом, туда, где база, ещё утром пахнувшая только камнем и металлом, теперь пахла ванилью, корицей и обещанием того, что завтрашний день окажется чуть легче сегодняшнего.

Глава 4

Проснулся я рано, ещё до того, как база — если у подземного комплекса вообще уместно говорить о времени суток — успела переключиться на дневной режим освещения. Первая мысль была о Вейсе. Новый человек, первые полные сутки на месте, где искусственный интеллект отвечает почти на любой вопрос, а возможности, судя по всему, ограничены разве что фантазией и текущей мощностью реактора, — такое сочетание способно подействовать на человека непредсказуемо. Кого-то оно окрыляет. Кого-то ломает изнутри, стоит только осознать масштаб того, во что он ввязался, не успев толком выспаться. К какому типу относится Константин Вейс, я пока не знал. Выяснить это стоило раньше, чем вопрос сам выйдет на поверхность в неудобный момент — где-нибудь посреди работы с реактором, от которого теперь зависела вся команда.

Вейса я нашёл в общем зале — том самом, где вчера ещё звенела посуда после ужина, а сегодня он сидел за одним из столов в одиночестве, внимательно разглядывая тонкие энергетические линии вдоль стен и задумчиво покусывая шариковую ручку, которую держал в руке с рассеянной сосредоточенностью. Очки съехали на кончик носа. Он их не поправлял.

— Константин, доброе утро, — сказал я, останавливаясь напротив. — Как вы себя чувствуете?

Он поднял голову не сразу, будто ему требовалась секунда, чтобы вынырнуть из собственных расчётов и вспомнить, где он находится.

— Впечатляюще, — сказал он наконец. — Я хочу сказать вам как учёный: я никогда не видел ничего подобного раньше. За всю жизнь. — Он снял очки, протёр их краем свитера — того же самого, в котором был вчера, — и снова надел. — Можно побыстрее осмотреть термоядерный реактор? Мне не спалось всю ночь. Дело не в страхе. Всю ночь пытался понять, что это за технологии, и не смог. Обычно получается быстрее.

— Архон, — сказал я, — мы можем сейчас показать Константину реактор?

— Интересный вопрос, — ответил голос из ниоткуда, ровный, как всегда. — Что именно вы собираетесь изучать, не имея ни малейшей теоретической базы? Термоядерный синтез Предтеч построен на принципах, для которых в земной физике попросту нет терминологии. Если хотите, я могу предложить господину Вейсу обучение — основы теории, в объёме, доста-

точном, чтобы читать показания реактора осмысленно. После этого можно будет говорить конкретно о том, что нужно сделать для подъёма энергоресурса базы.

Вейс посмотрел на меня с тем выражением, с каким смотрит студент, которому вместо ответа предложили сдать экзамен по предмету, которого он ещё не изучал.

— Куда это вы собрались? — раздался голос Рогова.

Он вошёл в зал тем шагом, каким всегда входил по утрам — уже полностью одетый, будто сон был для него формальностью, которую полагается соблюдать, но не стоит затягивать.

— К реактору, — сказал я. — Пока не решили.

— Без утреннего кофе я вас не отпущу, — вмешалась Марина, появившаяся следом с подносом в руках, и в её голосе прозвучала та интонация, с которой не спорят даже те, кто в принципе не признаёт над собой чужую власть по утрам. — Садитесь. У меня предложение: сначала кофе, заодно обсудим всё, что накопилось за ночь, а реактор пусть подождёт ещё час — он простоял тут сорок семь тысяч лет.

Спорить с этой логикой не было ни повода, ни желания. Мы сели за стол, и через несколько минут разговор уже шёл своим чередом — тем неторопливым утренним чередом, который на базе успел стать почти семейной привычкой.

— Ну, — сказал Рогов, разливая кофе, — и как вам первая ночь среди привидений древней цивилизации?

— Я не спал, — повторил Вейс с той же прямоотой, с какой говорил бы коллеге на кафедре. — Пытался смотреть на стены — там что-то вроде... линий. Тонких, светящихся. Сначала решил, что переутомился и мне мерещится.

— Оверлей, — сказал я. — Информационный слой поверх обычного зрения. К нему привыкаешь быстрее, чем кажется.

— Меня больше занимает вопрос, откуда энергия для его формирования, — сказал Вейс, и глаза его на мгновение снова стали рассеянными, будто он уже отошёл от разговора в сторону собственных вычислений. — Если это постоянный процесс, а не единовременный акт восприятия...

— Константин Иванович, — мягко перебила его Марина, — реактор. Позже.

Он кивнул с видом человека, признающего чужую правоту без особого энтузиазма, и потянулся за чашкой.

Из угла зала донеслось приглушённое, но безостановочное недовольство одного из троих новых жильцов базы — кажется, рыжего Планка, не одобрявшего смену прописки уже вторые сутки подряд. Марина, не глядя, отправила туда кусочек синтезированного сыра, и жалобы на время утихли.

— Раз уж мы всё равно сидим, — сказал Рогов, откладывая ложку, — у меня вопрос другого рода. Архон, нам нужно поддерживать физическую форму. Ты можешь помочь с тренажёрным залом?

— Могу предложить больше, чем просто зал, — ответил Архон после короткой паузы, той самой, которую я уже научился отличать от задумчивости, — это была пауза точного расчёта. — В архиве Предтеч сохранена система рукопашного боя, разработанная для существ с человеческой физиологией, интегрированных с базовым протоколом. Обучение доступно через контур — тот же принцип, что применялся при первичной интеграции, только с иным содержанием. Помещение под зал у меня уже есть на примете — техническое хранилище третьего яруса, сейчас пустует. Нанофабрикатору потребуются сутки, чтобы переоборудовать его под тренировочные нужды при нынешней мощности.

— Сутки — не проблема, — сказал Рогов. — Мы никуда не торопимся. Разве что Кворум поторопит.

Марина резко поставила чашку, она так обычно делала в момент волнения.

— А мне тоже есть чему поучиться? — спросила она. — Мне нравится медицина. Хотела бы уметь оказать хотя бы первую неотложную помощь по-настоящему, а не так, как учат на курсах для туристов.

— В обучающем контуре есть программа полевой медицины Предтеч, — сказал Архон. — Основы физиологии, диагностика по внешним признакам, работа с медблоком без постоянного контроля с моей стороны. Готова к передаче в любой момент.

— Отлично, — Марина хлопнула ладонью по столу с той же решительностью, с какой минуту назад осадила Вейса. — Я готова.

Я посмотрел на них обоих — на Рогова, уже прикидывающего, где у него найдётся время между делами внешнего мира, и на Марину, для которой вопрос давно был решён, просто не хватало повода произнести его вслух, — и понял, что откладывать смысла нет.

— Значит, сегодня все проходим обучение, — сказал я и для верности хлопнул ладонью по столу следом за Мариной. — Рогов и я — рукопашный бой. Марина — медицина. Константин — теория реактора, раз уж без неё смотреть на него бессмысленно.

— А цена? — спросил Рогов тем тоном, каким за последний месяц привык проверять любое решение, требующее расчёта прежде силы. — Сколько это возьмёт у реактора?

— Ничего, — сказал Архон. — Контур не потребляет энергию из общей сети базы сверх минимального обеспечения самого кресла — величина ничтожная на фоне остального потребления. Единственная цена — время. Пока идёт сеанс, вы недоступны ни для чего другого. Учитывайте это при планировании дня, если ожидаете внешних угроз.

Рогов кивнул, удовлетворённый ответом больше, чем можно было ожидать от человека, для которого удовлетворение вообще редко читалось на лице.

— Тогда после завтрака, — сказал он.

Обучение заняло у каждого из нас чуть больше часа — Архон предупредил заранее, что первый сеанс всегда длиннее последующих, потому что мозгу требуется время не столько на усвоение информации, сколько на привыкание к самому способу её получения. Кресло — то же самое, в котором Рогов и Марина проходили интеграцию месяц назад, — приняло меня без малейшего сопротивления, и то, что случилось дальше, трудно было бы описать словами человеку, который сам через это не проходил: ближе всего к ощущению, что ты всегда это знал, просто забыл, — стойки, дистанции, принципы работы с чужим весом и инерцией, выстроенные расой, которая, судя по всему, умела драться так же продуманно, как умела воевать. Когда я открыл глаза, часы на оверлее показали час десять минут, а тело помнило движения, которых я никогда прежде не совершал.

Рогов вышел из соседнего кресла с тем же ощущением на лице, какое, наверное, было и у меня, — смесь лёгкого головокружения и профессионального любопытства человека, только что получившего новый инструмент и уже прикидывающего, на ком его опробовать.

— Странное чувство, — сказал он, разминая плечо. — Помню движения, которых никогда не делал.

— Именно так это и работает, — подтвердил Архон.

Марина вышла из своего кресла чуть позже нас, задумчивая, но довольная — она тут же принялась вслух перечислять название какого-то нерва, о существовании которого час назад явно не подозревала, и то, как быстро остановить кровотечение из бедренной артерии подручными средствами, если медблок в этот момент недоступен. Голос у неё был тот же, каким она описывала бы образцы породы после удачной экспедиции, — сосредоточенность человека, для которого новое знание само по себе уже награда, вне зависимости от того, пригодится оно завтра или нет.

— Ещё там был целый раздел про физиологию самих Предтеч, — добавила она, слегка нахмурившись, будто сверялась с чем-то у себя внутри. — Совместимую с нашей, как выяс-

няется, куда сильнее, чем можно было предположить, — и, кажется, теперь понятнее, почему регенерационная капсула вообще способна лечить человека.

— Совпадение биохимических основ было заложено в проект капсулы изначально, — подтвердил Архон. — Иначе Носитель не пережил бы первую же процедуру.

К реактору мы отправились уже вторым с Вейсом, который к этому моменту успел получить собственную порцию теории и выглядел так, будто узнал больше нового за час, чем за последний десяток лет профессиональной карьеры.

Реакторный зал располагался за двойной дверью в дальнем крыле базы, и Вейс замер на пороге с выражением, какого я не видел ещё ни у одного из гостей станции, — с тем выражением, что бывает у человека, встретившего задачу, ради которой стоило прожить остаток жизни. Зал поражал плотностью того, что в нём умещалось на сравнительно небольшой площади: тор реактора, охваченный кольцами обмотки, терявшимися в толще стен, панель управления без единой кнопки, реагирующая на прикосновение и взгляд, и ровное, почти неслышное гудение, которое я перестал замечать ещё в первую неделю, но которое Вейс, судя по его лицу, услышал так, как слышат мелодию, знакомую по нотам, но никогда прежде — вживую.

— Восемнадцать процентов, — произнёс он, обходя защитный периметр по кругу, не отрывая взгляда от панели. — Архон, сколько топлива осталось на текущем уровне потребления?

— Запаса топлива хватит на несколько тысячелетий работы при текущей выработке, — ответил Архон.

— Тогда что ограничивает мощность? Если не запас топлива?

— Состояние контура синтеза после длительной консервации. Сорок семь тысяч лет реактор находился в режиме минимального поддержания, до прихода Носителя.

— Обслуживание проводилось? Замена компонентов, любые вмешательства?

— Нет.

— Кто проектировал защитный контур плазмы?

— Информация утрачена вместе с частью архива при консервации, — сказал Архон. — Дело не в уровне допуска. Данных попросту не существует.

Вейс кивнул, принимая ответ так же спокойно, как принял бы отказ коллеги-физика, у которого просто не сохранились нужные записи.

— А диагностика в реальном времени доступна? Температурные карты по сегментам обмотки, распределение нагрузки?

— Полностью, — сказал Архон, и на панели тут же развернулась объёмная схема реактора, испещрённая цветными участками, в которых Вейс, судя по тому, как резко он подался вперёд, увидел куда больше, чем я мог разглядеть за весь прошедший месяц.

— Мне нужно время, — сказал он, доставая из кармана потрёпанный блокнот — привычка, судя по всему, не изменившая ему за все годы работы с приборами, для которых давно существовали куда более совершенные способы записи. — Дни, не часы. Восемнадцать процентов — это предел текущей конфигурации или недоработка исходной сборки? Разница принципиальная.

— Выясню, — сказал я. — Время у вас есть.

— Тогда один вопрос, прежде чем вы уйдёте, — он оторвался от панели ровно настолько, чтобы посмотреть на меня. — Чего от меня ждут конкретно. Не абстрактного «поднимите мощность», а точной формулировки задачи.

— Понимания, на что способен этот реактор при правильной настройке, — сказал я. — Сможете дать больше восемнадцати процентов — дайте. Не сможете — по крайней мере будем знать точный предел, а не гадать вслепую, как гадали весь последний месяц. Если конструкция потребует компонентов, которых здесь физически нет, — скажете прямо, а не станете неделями пытаться обойтись тем, что есть.

— Разумные ожидания, — сказал Вейс, и в его голосе впервые за утро прозвучало что-то похожее на облегчение. — Первая задача за сегодня, сформулированная настолько чётко, что не приходится домысливать половину условий самому.

Он снова повернулся к панели, и я понял, что для дальнейшего разговора с ним в ближайшие несколько дней потребуется отдельное приглашение, а не случайное появление в поле зрения.

Мы с Роговым отошли к выходу из зала — достаточно далеко, чтобы не мешать, достаточно близко, чтобы видеть, как Вейс раскладывает на панели показания реактора в порядок, понятный, судя по всему, только ему одному.

— Есть ещё один вопрос, который давно пора решить, — сказал я, понизив голос, хотя необходимости в этом, скорее всего, не было — Архон слышал нас в любом случае. — Мы месяц живём в полном информационном вакууме. Ни новостей, ни открытых источников, ничего, кроме того, что успеваешь узнать в городе за несколько часов вылазки. А у нас под рукой самый продвинутый искусственный интеллект на планете, и он бесполезен для внешнего мира просто потому, что мир для него закрыт.

Рогов посмотрел на меня тем взглядом, каким смотрел на любую задачу, где решает расчёт, а не грубая сила.

— Нужен человек по цифровым сетям, — сказал он, не дожидаясь, пока я договорю мысль до конца. — Кто-то, кто выведет Архона в интернет так, чтобы это не выглядело для чужих систем странностью с первой же секунды.

— Именно. У тебя есть кто-то на примете?

Он помолчал, разглядывая свою чашку, будто варианты выстраивались в его голове в порядок предпочтения прямо сейчас, на ходу.

— Вариантов несколько, — сказал он. — Есть пара знакомых по старой работе, кто ушёл в частный сектор — кибербезопасность, банковские структуры. Достаточно квалифицированы, но я плохо представляю, как объяснить им, куда я их зову, не спугнув с первой же фразы. Есть ещё вариант из моих собственных архивов — люди, за которыми я годами приглядывал на всякий случай, без всякого повода конкретно для вербовки. Один такой кандидат, пожалуй, интереснее прочих. Бывшая связистка из РЭБ ФСБ, уволена после истории с внутренней утечкой — вскрыла её сама, а крайней в итоге сделали её же. Толковая до крайности, судя по тому, что я о ней знаю, и злая на систему ровно настолько, чтобы согласиться на что-то за её пределами.

— Как её зовут?

— Дарья Орлова. Но я хочу сначала прощупать почву аккуратно, не через звонок с порога, — сказал Рогов. — С такими, как она, спешка стоит доверия, а доверие в нашем деле дороже времени. Дай мне пару дней.

— Даю, — сказал я. — Только не затягивай. Каждый день без нормального выхода в сеть — это день, когда мы узнаём о собственной ситуации последними, а не первыми.

Рогов кивнул и, судя по тому, как быстро сменилось выражение его лица на привычно-деловое, уже начал прикидывать первые шаги — те самые, о которых предпочитал не говорить вслух, пока не будет уверен, что они того стоят.

Из-за панели донёсся голос Вейса, не отрывавшегося от показаний реактора:

— Архон, контур охлаждения — он спроектирован как единая система или как каскад независимых сегментов?

— Формально как единая система, — отозвался Архон, и в этой готовности выслушать очередной вопрос физика, только вчера впервые увидевшего термоядерный реактор нечеловеческого происхождения, была та же терпеливая точность, с какой он неизменно отвечал на любой заданный ему вопрос. — Хотя ваше предположение о возможности сегментного анализа заслуживает проверки.

— Так и думал, — с удовлетворением произнёс Вейс, не оборачиваясь, и снова склонился над блокнотом.

Я оставил их обоих у панели — человека и голос из ниоткуда, уже начавших тот разговор на два голоса, который, судя по всему, был обречён растянуться на ближайшие дни, если не недели, — и пошёл к выходу вместе с Роговым, у которого впереди было своё дело, требовавшее осторожности куда более человеческой, чем любая физика Предтеч.

В коридоре, ведущем к жилому блоку, Рогов остановился.

— Ещё одно, — сказал он. — Если Орлова согласится — а я рассчитываю, что согласится, — она первым делом захочет знать, насколько защищён наш собственный канал связи, прежде чем разговаривать о чём-то ещё. У таких специалистов это профессиональная деформация, не блажь.

— Значит, ответишь честно, — сказал я. — У нас есть Архон и есть протокол, но ни то ни другое никто со стороны не проверял на прочность.

— Вот именно поэтому она нам и нужна, — сказал Рогов, и в его голосе впервые за утро прозвучало что-то похожее на азарт — тот особый его оттенок, что появляется у человека, увидевшего наконец решаемую задачу вместо очередной неопределённости. — Дай мне сегодняшний вечер. Завтра буду знать, стоит ли ехать.

Он ушёл в сторону жилого блока, а я вернулся к смотровому экрану в главном зале, туда, откуда Архон обычно выводил изображение поверхности, — просто чтобы постоять минуту в тишине, прежде чем список дел на сегодня догонит меня снова.

— Носитель, — сказал Архон, будто дождавшись этой самой минуты. — Обновляю список приоритетов. Реактор — в работе, ожидаемый срок предварительной оценки от Вейса — от трёх до пяти суток. Физическая и медицинская подготовка команды — начата. Вопрос выхода в цифровую сеть — рассматривается, ожидается решение Рогова в течение суток.

— Хорошо, — сказал я. — Три задачи за одно утро. Не так уж плохо для начала.

— Согласен, — сказал Архон, и в этой короткой фразе прозвучало то ровное удовлетворение, с каким он неизменно подтверждал завершение важного этапа, ещё не зная, что этап на самом деле только начинается.

Глава 5

Полночи я провёл без сна. Старая привычка проверять человека до последней запятой оказалась крепче любых новых обстоятельств, даже таких, как подземная база инопланетной цивилизации в паре шагов от спальни. Сотовая связь под таким слоем камня не работала в принципе — обычная плата за укрытие, спроектированное расой, которой человеческие вышки были попросту ни к чему, — так что около полуночи я вышел через терминал на складе, набрал номер уже с городской улицы и дозвонился до одного бывшего сослуживца, давно осевшего в частной конторе и обязанного мне куда больше, чем готов был признать вслух. К двум часам ночи я вернулся с ответом на ровно тот вопрос, который меня интересовал: Орлова по-прежнему живёт по старому адресу, нигде официально не устроена, ни в одной оперативной разработке не значится. Единственный след, оставленный ею за два года после увольнения, — резюме на паре специализированных форумов, написанное сухо и профессионально, без единого слова жалобы на прежнее место службы. Человек, который умеет молчать даже там, где молчание работает против него. Ровно то, что нужно.

К утру решение было принято. Оставалось сообщить о нём Громову — но сначала нашёлся вопрос поважнее, судя по голосу из коридора жилого блока.

— Архон закончил зал, — сказал Громов, встретив меня у двери. Взгляд чистый, никакой задней мысли — у него это редкость. — Хочешь проверить?

Ещё как хотел. Со вчерашнего дня тело помнило движения, которых я в жизни не делал: стойки, развороты, вес чужого тела под ладонью. Ноги сами знали, куда идти. Я даже не успел спросить зачем.

Лежать с таким грузом внутри и не проверить его на деле я не мог.

Зал на третьем ярусе оказался просторнее, чем я представлял со слов Архона. Гладкий пол, лёгкая амортизация под ногами. Те же энергетические линии, что тянутся по всей базе, только здесь без обычного свечения — просто мягко пульсировали в такт движению. В углу стойка с чем-то вроде боксёрских мешков, литых, без единого шва.

— Готов? — спросил Громов. Куртку он снял и повесил на перекладину у входа — аккуратно, как дома перед ужином. Будто ничего особенного не происходило.

— Готов настолько, насколько вообще можно быть готовым к драке со знаниями суточной давности, — сказал я.

Мы вышли на середину зала. Секунду я ждал неловкости — обычной для новичка, который знает приём в теории и путается в нём на практике. Не дождался. Тело среагировало на первую атаку само, без моего участия: шаг в сторону, разворот, захват запястья. Громов на миг потерял равновесие — и тут же ответил встречным движением, вложенным в него тем же контуром двумя часами раньше.

— Ну и ну, — сказал он, восстанавливая стойку. Взгляд на меня — новый, оценивающий, как на снаряжение, которое неожиданно превзошло паспортные характеристики.

— Предтечи знали толк в рукопашной, — сказал я. — Жаль, спросить не у кого, зачем расе с термоядерными реакторами и порталами вообще сдалась рукопашная школа.

— Архон, — позвал Громов, не отрывая от меня взгляда и явно готовясь ко второй попытке, — зачем она вообще была нужна?

— Энергетическое оружие Предтеч имело ограниченный резерв заряда даже по их собственным меркам, — отозвался голос из ниоткуда, ровный, как обычно. — Рукопашная подготовка оставалась резервным навыком на случай истощения арсенала — редким, но не исключённым сценарием даже для цивилизации такого уровня.

— Разумно, — сказал я и тут же воспользовался секундой его отвлечения на разговор с Архоном.

Бросок вышел чище, чем я рассчитывал, — Громов ушёл на амортизирующий пол мягко, тут же перекатился и поднялся на ноги с той скоростью, что выдавала: удивление прошло, включился азарт.

— Нечестно, — сказал он, отряхивая рукав.

— Честно ровно настолько, насколько честна была твоя атака секунду назад.

Марина застала нас в разгар третьего раунда, остановившись в дверях с подносом в руках и тем выражением лица, с каким смотрят на две крупные фигуры, вцепившиеся друг в друга посреди утра.

— Доброе утро, — сказала она, не спеша заходить дальше порога. — Кофе стынет. И да, я всё расскажу Константину — пусть тоже приходит, ему полезно оторваться от реактора хоть на пять минут ради зрелища.

— Передай, что зрелище того стоит, — сказал я, освобождаясь наконец из захвата, в который сам себя завёл секунду назад.

Из-за спины Марины донеслось приглушённое возмущение — кто-то из троих новых жильцов базы, судя по тону, рыжий Планк, явно счёл гул тренировки посягательством на утренний покой. Марина, не оборачиваясь, шикнула на невидимого критика с той интонацией, с какой уже месяц разговаривала со всеми обитателями базы разом, живыми и не очень.

— На сегодня хватит, — сказал я Громову, чувствуя, как первая эйфория от новых рефлексов уступает место более спокойной, рабочей оценке: тело справилось, техника держится, а значит, вопрос закрыт и можно переходить к делу, ради которого я, собственно, и не спал полночи.

Мы сели за стол вдвоём, оставив Марину разбираться с недовольством кошачьей части команды, и разговор быстро свернул туда, куда ему и следовало.

— Еду сегодня, — сказал я. — Проверил всё, что мог проверить ночью. Орлова чиста: не под наблюдением, не пристроена никуда после увольнения, ведёт себя тише, чем можно было ожидать от человека, с которым обошлись так, как обошлись с ней.

— Один едешь? — спросил Громов.

— Один. С такими, как она, компания только добавляет причин для отказа — каждый лишний человек в комнате читается как давление, а поддержку в такой ситуации обычно предпочитают выбирать сами, когда придёт время. Плюс, — добавил я, — терминал в складе избавляет от необходимости брать кого-то в провожатые через лес. Двадцать минут в город вместо трёх часов пешком.

— Хорошо, — сказал Громов, и в этом коротком слове я услышал то самое доверие, за которое пятнадцать лет назад согласился на многое, о чём тогда ещё не подозревал. — Как объяснишь ей происходящее?

— Ровно столько, сколько потребуется для первого шага, и ни словом больше. Закрытый объект, специалист по защищённым каналам и радиоэлектронной разведке нужен позарез, работа неофициальная. Дальше буду смотреть ей в лицо и решать по обстоятельствам — сценарии, придуманные заранее за письменным столом, для таких разговоров всё равно никогда не годились.

— Она согласится?

— Не знаю, — сказал я честно. — Знаю только, что предложение — первое за два года, не звучащее для неё унижением. Обычно этого достаточно, чтобы хотя бы выслушать до конца.

Громов кивнул и больше вопросов не задавал — ни про план разговора, ни про то, что я скажу в первую минуту, ни про запасной вариант на случай отказа. Он умел останавливаться там, где начиналась моя часть работы, ровно так же, как я умел останавливаться там, где начиналась его.

Терминал на складе принял меня без единой заминки — активационная зона отозвалась на прикосновение мгновенно, и уже через вдох я стоял посреди пустого бетонного бокса

на восточной окраине, слушая, как где-то снаружи заводится грузовик соседней конторы. Машину я вызвал прямо со склада, не выходя за ворота, — привычка, от которой не собирался отказываться даже теперь, когда самой большой тайной в моей жизни давно стал термоядерный реактор под уральским камнем, а старые легенды прикрытия рядом с ним казались детской игрой в шпионов.

Двадцать минут до окраины, где жила Орлова. Дом оказался обычной блочной пятиэтажкой, каких в этом районе стояли десятки: одинаковые подъезды, одинаковые облупившиеся почтовые ящики, тишина на лестничной клетке в тот час, когда большая часть жильцов уже разъехалась по делам. Звонка на двери не нашлось — только след от старого, снятого хозяином за ненадобностью, — и я постучал костяшками, привычно отмечая детали площадки: два выхода, одна лампа перегорела, соседняя дверь обита свежим дерматином, будто въехали недавно.

Дверь приоткрылась на длину цепочки.

— Кто вы? — спросила она, и голос звучал ровно, без того нервного напряжения, какое я привык слышать у людей, ожидающих неприятностей с минуты на минуту.

— Дмитрий Рогов. Бывший офицер, если это хоть что-то объясняет. Есть разговор по вашей специальности.

— Специальности больше нет, — сказала она. — Меня уволили. Или вам об этом не сообщили те, кто прислал?

— Меня никто не присылал, — сказал я. — И про увольнение знаю. Знаю и почему — знаю достаточно, чтобы считать это не вашей виной.

Пауза за дверью затянулась дольше, чем нужно просто для того, чтобы разглядеть незнакомца на пороге. В щели между дверью и косяком был виден только кусок лица — один глаз, часть скулы, — и этот глаз ощупывал меня примерно с той скоростью, с какой я секунду назад ощупывал взглядом лестничную клетку.

— Пять минут, — сказал я. — Выслушаете — сами решите, продолжать разговор или закрыть дверь у меня перед носом.

Цепочка звякнула. Дверь открылась до конца.

Внутри было чисто — слишком чисто для обычной квартиры. Обувь стояла ровным рядом у входа, на тумбе в прихожей ни единой лишней вещи. Такой порядок наводят люди, которым в собственной жизни больше нечем управлять, кроме прихожей. На кухне она поставила передо мной чай, себе не налила — просто села напротив, обхватила пустую чашку ладонями и слушала. Не перебивала ни разу, хотя по глазам было видно: каждое слово она откладывает отдельно, на потом.

Я рассказал столько, сколько решил рассказать ещё ночью, — не больше. Закрытый объект. Нужен специалист по защищённым каналам и радиоэлектронной разведке. Работа неофициальная, из тех, что не попадают ни в один официальный реестр.

— Звучит как вербовка в секту, — сказала она, когда я закончил.

— Звучит, — согласился я. — Секта тут ни при чём.

— С вами что-то случилось, — сказала она. Не вопрос — сама для себя она это уже решила, и явно не из моих слов.

Я улыбнулся — коротко, одними уголками рта. Развёрнутого ответа на это у меня не было, во всяком случае не сейчас.

— Случилось, — сказал я. — Поедете — увидите сами. Это надёжнее любых объяснений.

— А если откажусь?

— Допью чай и уйду, — сказал я. — Звонить не буду. Проверять, не передумали ли вы, — тоже. Предложение одно и один раз, дальше решаете сами — за последние два года, полагаю, вы к этому уже привыкли.

Она смотрела на меня долго — дольше, чем требовал простой ответ. Явно искала подвох и не находила.

Такое молчание я видел раньше, не один десяток раз за пятнадцать лет подобных разговоров. В такие секунды человек взвешивает: новую возможность против старой, ввевшейся в кровь осторожности.

— У меня нет причин доверять бывшим коллегам по системе, — сказала она наконец. — Но нет и причин отказываться от первого за два года предложения, в котором я не слышу презрения.

Она встала, сняла с крючка куртку, а затем на секунду задержала взгляд на кухонном столе, на аккуратно расставленной посуде, будто прикидывая, вернётся ли сюда в прежнем качестве вообще.

— Полить успею? — спросила она, кивнув на подоконник, где в горшке пробивалось что-то упрямо зелёное вопреки всякой логике городской квартиры.

— Успеете, — сказал я. — Я подожду у машины.

Веду Орлову, — отправил я Громову тем же движением мысли, каким набрал бы короткое сообщение защищённой связью, только без клавиатуры и без задержки набора, и вышел на лестничную площадку — ждать, пока за спиной щёлкнет замок квартиры, которую, судя по тому, как она оглядела её напоследок, в прежнем качестве уже не увидит.

Такси подъехало через пять минут после звонка — я успел лишь застегнуть куртку и выйти на лестничную клетку, ещё слушая, как за спиной хлопает дверь квартиры, которую Орлова, судя по звуку, закрыла на все замки.

Она вышла налегке — одна спортивная сумка, ничего лишнего. Ни оглядки, ни паузы у порога. Только короткий взгляд вдоль лестничной площадки перед тем, как начать спуск, — я узнал этот взгляд сразу, потому что сам смотрю так уже не первый десяток лет.

— Куда едем? — спросила она, устраиваясь на заднем сиденье рядом со мной.

— Скоро увидите, — сказал я. — Минут двадцать, может меньше.

Она не переспросила. Просто отвернулась к окну и замолчала — надолго, до самой промзоны. По тому, как ровно она держала спину всю дорогу, я понял: она не молчала попусту. Она работала — раскладывала по полочкам всё, что успела увидеть и услышать за это утро, прежде чем решить, чему из этого доверять.

Мы приехали, я расплатился с водителем, дождался, пока такси скроется за воротами промзоны, и повёл Орлову через боковую дверь. Склад встретил нас привычной пустотой: бетон, ряды стеллажей, дневной свет через грязные окна под потолком.

— Встаньте здесь, — сказал я, указывая на очерченную зону технической ниши. — И что бы ни случилось дальше — не бойтесь.

— Обещаю только не закричать, — сказала она.

Я вызвал портал через оверлей, не проговаривая точку назначения вслух: разговаривать с пустотой на глазах у человека, для которого этот склад пока обычная промзона, было рано.

Свет поднялся из-под пола ровным кругом. Мир сменился одним движением, без перехода, без единой секунды на подготовку.

Портальный зал встретил нас гулкой пустотой сводов и двумя людьми, уже ждавшими нас: Громов и Марина стояли у зоны телепортации терминала.

Орлова замерла — на долю секунды, — и тут же плечи выпрямились, подбородок поднялся, лицо вернулось к тому спокойствию, с которым она разговаривала со мной при встрече. Только глаза не успели подстроиться так же быстро: зрачки расширены, дыхание чуть сбилось.

— Дарья Орлова, — сказал я. — Алексей Громов, Марина Соколова.

— Здравствуйте, — сказала Дарья. Голос ровный — вероятно, таким она отвечала на любые вопросы последние два года, что бы внутри ни происходило.

— Быстрее, чем я рассчитывал, — сказал Громов. — Хорошо. — Он протянул руку, и Дарья, чуть помедлив, ответила тем же — коротко, по-деловому. — Добро пожаловать. У вас наверняка есть вопросы.

— У меня их слишком много, чтобы начинать с них, — сказала она. — Один для начала: где я нахожусь?

Ответ прозвучал прежде, чем это успел сделать Громов.

— Меня зовут Архон, — произнёс голос из ниоткуда. — Я — искусственный интеллект базы Цитадель, построенной цивилизацией, которую здесь называют Предтечами. Глубина от точки входа — три тысячи двести метров по вертикали и горизонтали в совокупности. Северный Урал.

Дарья не вздрогнула — по крайней мере, не так, чтобы это заметил посторонний. Но я стоял рядом и увидел, как побелели костяшки на ремне сумки, которую она сжала чуть сильнее необходимого.

— Голос без тела, — сказала она после паузы. — Хорошо. Раз вы искусственный интеллект — у вас есть канал связи?

— Да, — сказал Архон.

— Защищённый?

— Частично.

— Это плохо, — сказала она.

— Согласен, — ответил Архон, и в этом коротком слове мне послышалось что-то похожее на удовлетворение человека, дождавшегося наконец собеседника, способного сразу перейти к сути.

Марина не сдержала короткой улыбки.

— Она вам понравится, — сказала она Громову, не понижая голоса. — Причём раньше, чем успела толком представиться.

— Дарья, если по имени — так будет проще для всех, — сказал Громов. — Дальше скажу то же, что говорю каждому здесь впервые: правды больше, чем можно принять за один разговор, поэтому по частям. Первая часть простая. Вы в безопасности. Захотите уйти — уйдёте тем же путём, каким пришли.

Дарья слушала не перебивая — качество, которое я успел оценить ещё утром на её кухне. Громов, судя по короткому движению бровью, оценил его тоже.

— А вторая часть? — спросила она.

— Термоядерный реактор. Портал на другую планету. Цивилизация, которая воюет с нами восемьсот лет без нашего ведома, — сказал Громов. — Но не сегодня. Сегодня — протокол допуска и отдых.

— Протокол допуска, — повторила она, будто взвешивая, сколько за этой формулировкой спрятано сверх сказанного вслух.

— Биометрия, генетический профиль, базовая интеграция, — сказала Марина, подходя ближе. — Пять минут, без боли. Я через это проходила сама месяц назад. Пойдёте со мной?

Дарья перевела взгляд на Марину — быстро, минуя и Громова, и пустоту, откуда звучал голос Архона. Выбор, кажется, был осознанным.

— Пойду, — сказала она.

Марина увела её к медицинскому блоку, а мы с Громовым остались в пустом порталном зале — в том самом затишье, которое я уже начал узнавать: конец одного действия и короткая пауза перед следующим.

— Ну как она тебе? — спросил Громов.

— Ровно то, что я обещал, — сказал я. — Параноик высшей пробы. Через неделю будет знать периметр базы лучше нас с тобой.

— Хорошо, — сказал Громов коротко — за такой краткостью у него обычно и пряталось одобрение, лишних слов не требующее.

Вечером общий зал наполнился звуками, каких я не слышал здесь за весь месяц разом: звон посуды, разговор сразу в три голоса и возмущённое мяуканье из угла — Планк, рыжий кот Вейса, требовал компенсации за то, что его слишком долго игнорировали.

Дарья вышла к столу переодетой — Архон, судя по всему, успел синтезировать что-то более уместное для подземного климата, чем городская куртка, — и держалась с прямой спиной человека, ещё не решившего, сколько места ему тут позволено занять.

Вейс заметил её первым.

— А вы, должно быть, специалист по сетям, — сказал он, поднимаясь навстречу. Радужно, слегка рассеянно — как встречал бы кого угодно в любой день недели. — Константин Вейс. Простите за акцент — физический, не языковой. Формулами думаю чаще, чем словами, особенно к вечеру.

— Дарья Орлова, — сказала она. Уголок рта дрогнул — впервые за день не по сценарию. — Приятно видеть здесь кого-то ещё, кто явно не спал ночью. Хотя бы по рабочим причинам, судя по виду.

— Оба варианта случались, — признался Вейс, усаживаясь обратно. — Но сегодня — да, вы правы. Реактор не даёт мне спать третью ночь подряд. И я, признаться, счастлив от этого больше, чем следовало бы взрослому человеку.

Планк, не одобрив, что разговор идёт мимо его интересов, запрыгнул на скамью рядом с Дарьей и обнюхал рукав её новой одежды — придирчиво, как таможенник.

— Он проверяет, не шпион ли вы, — сказал я, наливая себе чай. — Пока никого не одобрил с первого раза. Даже меня продержал в кандидатах неделю.

— Неправда, — встала Марина, не поднимая головы от тарелки. — Тебя он до сих пор терпит только за то, что ты не мешаешь ему спать на твоей куртке.

Смех вышел коротким и настоящим. Ужин закончился обычным разговором ни о чём — таким, какой у нас в последнее время случался редко. Тем и ценнее.

Тарелки опустели. Разговор сам собой съехал в ту уютную паузу, которой обычно заканчивается хороший вечер. Громов заговорил о деле — без предисловий, но и без утренней резкости с чужой кухни.

— Дарья, — сказал он. — О работе, раз вечер располагает больше, чем завтрашнее утро в спешке. Нужен человек, который возьмёт на себя защиту каналов связи базы, безопасность точек выхода на поверхность и постоянное наблюдение за эфиром вокруг нас. Архон справляется один, но один — не значит достаточно, когда речь о цивилизации, что следит за нами восемьсот лет.

— Звучит как работа, за которую меня уволили, — сказала Дарья, — только без начальства, которое потом сделает крайней.

— Начальство здесь есть, — сказал Громов. — Оно просто не станет прикрываться вами при первой возможности. Это единственная гарантия, которую я могу дать заранее. Дальше оцените сами, чего она стоит.

Дарья кивнула медленно — дольше, чем требовала обычная вежливость.

— И ещё вопрос, — продолжил Громов. — Обучение. У нас есть кресло, передающее знания напрямую в голову — Рогов вчера час просидел в нём и вышел с рукопашным боем в голове. Для вас там протоколы связи и передачи данных Предтеч — вся система, которую предстоит защищать. Отказаться можно. Но тогда защищать её будете вслепую.

— Не откажусь, — сказала Дарья без промедления. — Профессиональная деформация: не умею защищать то, чего не понимаю изнутри.

— Дополнение, — вклинился Архон. — После вашей интеграции с протоколами связи Предтеч я хотел бы получить встречные данные о принципах устройства земной глобальной

сети. Её архитектура складывалась без моего участия, а прямой обмен через оверлей займёт меньше времени, чем годы самостоятельного изучения открытых источников.

Дарья замерла на секунду. Не каждый день искусственный интеллект древней цивилизации просит о чём-то тебя самого — обычно бывает наоборот.

— Хотите, чтобы учила вас я? — спросила она.

— Именно, — сказал Архон.

— Тогда по рукам, — сказала она, и в голосе её впервые за день прозвучало что-то похожее на удовольствие.

Кресло приняло её в исследовательском блоке немногим позже — Вейс к тому времени уже вернулся к реактору с виноватым видом человека, для которого лишний час сна был почти преступлением против науки.

Дарья легла без колебаний. Я узнал этот жест: короткий вдох перед тем, как довериться незнакомому механизму, и ни одного вопроса после того, как решение принято, — я видел его вчера в зеркале, хоть и не в буквальном смысле. Час с небольшим спустя она села резко, будто вынырнула из-под воды. Лёгкое головокружение — и тут же профессиональный азарт, отчётливый настолько, что скрывать его она даже не пыталась.

— В голове протокольный стек, которого нет ни в одном открытом источнике, — сказала она. — И я знаю его так, будто сама писала спецификацию.

— Приблизительно так и было, с поправкой на несколько тысячелетий, — заметил Архон.

Обмен, о котором он просил, занял остаток вечера. Дарья, устроившись за столом исследовательского блока, разворачивала перед собой через оверлей проекцию со схемами маршрутизации и объясняла вслух принципы работы DNS и шифрования трафика, а Архон уточнял детали короткими репликами — ни одной лишней, ни одной неясности без ответа. Я понял из этого разговора хорошо если десятую часть. Смотреть на него всё равно было интересно.

Марина застала их уже ближе к ночи. Принесла Дарье чай — та так и не притронулась к своему с самого ужина.

— Остался ещё один протокол, — сказала Марина, присаживаясь напротив с двумя чашками. Одну подвинула к Дарье. — На завтра. Базовая оборона и рукопашный бой, тоже через кресло. После обычно нужен партнёр для первой практики — чтобы знание осело в руках, не застряло в одной голове. Я как раз сама собиралась пройти то же самое. Заодно и вместе, если не против компании.

— Не против, — сказала Дарья. Голос впервые за день прозвучал с облегчением: учиться здесь с нуля будет не в одиночку.

Я слушал их разговор, допивая остывший чай. Утром я вывел из блочной пятиэтажки настороженного человека, не доверявшего никому. К ночи она спорила на равных с Архоном — тому было сорок семь тысяч лет — и обещала Марине компанию на завтрашней тренировке.

День вышел удачным. Такое у нас бывает редко — обычно итог меряют количеством проблем, которые всё-таки не успели случиться.

Глава 6

Вейс раздобыл на дальнем складе флакон ванильной эссенции — для сверки с тем, что выдавала матрица, — и теперь священнодействовал над панелью кухонного синтезатора, вытаскивая точную пропорцию для рецепта сырников, с видом человека, открывшего новый закон термодинамики.

— Пропорция, — объявил он, не отрываясь от экрана матрицы. — Не энтузиазм. Сколько раз повторять.

— Три, — сказала Марина, не поднимая головы от кружки. — Третий день подряд одно и то же.

— Значит, ещё не усвоено.

Планк сидел на подоконнике кухонного отсека и следил за панелью синтезатора с прищуром человека, провожающего чужой самолёт с завистью того, кто остался в аэропорту. Дарья уже освоилась за общим столом настолько, что перестала садиться ближе к выходу. Машинально почесала его за ухом. Кот благосклонно потерпел это секунды три, не больше, — маленькая уступка новенькой, выданная неохотно, ничего общего с настоящим доверием.

— Она проходит проверку быстрее, чем я, — заметил я, наливая себе чай.

— У неё меньше секретов, — сказал Рогов, входя с полотенцем через плечо — мокрые волосы выдавали недавний тренировочный зал. — Или Планк просто устал придираться.

— Или у тебя от природы подозрительное лицо, — вставила Марина.

— Профессиональное, — поправил Рогов, садясь напротив. — Не путать одно с другим.

Сырники разошлись быстро. Ванильный эксперимент Вейса подтвердился на практике, и разговор за столом свернул в ту лёгкую, ничего не решающую колею. Планк спрыгнул с подоконника и улёгся на свободное место, всем видом показывая, что вопрос его лояльности закрыт до следующего повода усомниться.

— Мне пора наверх, — сказал Рогов, доедая последний кусок. — Легенда легендой, а от собственной жены неделю отсутствия ничем не прикроешь. Даже амнезией.

— Ты был дома шесть дней назад, — заметил я.

— Шесть дней для командировки — нормально. Шесть дней без единого звонка — уже вопросы. — Он встал, забрал со спинки стула куртку. — К вечеру вернусь. Может, к ночи.

— Как обычно, — сказала Марина, повторяя его собственные слова с лёгкой иронией.

— Как обычно, — согласился Рогов и вышел, не задерживаясь на прощание дольше необходимого. За пятнадцать лет он усвоил: долгие проводы отнимают у операции ровно то время, которое потом приходится наверстывать бегом.

* * *

Обучающий контур не потребовал очереди. Архон вёл два сеанса параллельно, удерживая оба потока данных так же легко, как человек одновременно дышит и стоит на ногах. Марина и Дарья легли в соседние кресла почти синхронно — обе уже знали процедуру.

Я заглянул в исследовательский блок часом позже, когда обе уже сидели, разминая шеи с одинаковым выражением лица — смесь лёгкого головокружения и того сосредоточенного спокойствия, какое бывает у человека, только что убедившегося, что он ошибался насчёт собственных возможностей.

— Странное чувство, — сказала Дарья, вращая кистью. — Тело помнит то, чего я никогда не делала.

— Быстро привыкаешь, — заметила Марина. — Через час забываешь, что было иначе.

— Знание есть, — уточнил Архон, — но оно не эквивалентно навыку. Мышечная память требует физического повторения. Рекомендую отработку сегодня вечером, желательно с партнёром.

— Уже предупреждена, — сказала Дарья.

Она поднялась, всё ещё немного покачиваясь, и задержалась у панели с той сосредоточенностью, с какой проверяют, не забыли ли дома выключить утюг.

— Архон, раз уж мы здесь. У меня вопрос по вашей связи. Не по обучению — по инфраструктуре.

— Слушаю.

— Внутренний канал — между вами тремя, я поняла общий принцип: ретранслятор, задержка меньше секунды. А защита самого канала какая? Шифрование, аутентификация источника, защита от подмены сигнала?

— Канал использует квантовое шифрование, — ответил Архон. — Перехват обнаруживаем на уровне физики, не только протокола: попытка считать состояние частицы разрушает его. Аутентификация — биометрический отпечаток пользователя при передаче, подделка источник без физического доступа к интегрированному человеку невозможно.

— А сам ретранслятор? Его можно скомпрометировать снаружи?

— Орбитальный ретранслятор теоретически уязвим, — сказал Архон. — Активной защиты у него нет, только пассивная: маскировка под естественный объект, координаты не публикуются ни в одном источнике, доступном человечеству. Теоретически — да. На практике вероятность я оцениваю как низкую.

Дарья кивнула медленно.

— Это плохо, — сказала она наконец.

— Согласен, — сказал Архон. — Полностью исключить риск можно только полностью исключив функцию. Компромисс приняли Создатели сорок семь тысяч лет назад и с тех пор не пересматривали.

— Ну хоть кто-то последователен, — заметила Марина.

Я слушал этот разговор, стоя у входа, и то, как быстро Дарья добралась до самого слабого места системы, ещё не отойдя от сеанса обучающего контура, окончательно убедило меня: вербовку мы провели правильную.

— Раз уж вы вернулись к теме связи, — сказал я, — у меня для вас задача. Другого масштаба.

Дарья обернулась, и в лице её мелькнула короткая профессиональная готовность.

— Слушаю.

— Архон получил от вас знания об интернете вчера вечером. Теперь нужно подключить его самого — полноценно, двусторонне, к цифровой сети человечества. Задача: спроектировать канал, который использует орбитальный ретранслятор Предтеч как скрытый транзит, а на выходе маскируется под обычный трафик через земные спутники связи. Так, чтобы аналитик, просматривающий журналы обычного коммерческого провайдера, ничего не заподозрил.

— Двойная маскировка, — сказала Дарья, и в голосе её прозвучало удовольствие человека, получившего задачу по размеру. — Скрыть сам факт исходящего трафика с координат базы. Затем выдать этот трафик за обычный шум обычной сети — как будто он родился в ней сам.

— Именно.

— Зачем вообще выходить в интернет? — спросила она напрямую, без обиняков, как задают вопрос люди, привыкшие сначала понимать цель, а потом уже проектировать средство.

— Архон, — сказал я, — ты лучше меня объяснишь.

— Функция базы восьмьсот лет ограничивалась внутренними ресурсами, — сказал Архон. — Земная сеть — источник данных, недоступный ни одним другим способом: открытая информация, накопленная человечеством за время моего отсутствия, и, при определённой осторожности, финансовые операции. Команда нуждается в легальном источнике средств, независимом от личных сбережений её членов.

— Биржа, — сказала Дарья, без вопросительной интонации.

— Возможно, — сказал я, не подтверждая и не отрицая. — Это решение отдельное — не по вашей части. Ваша часть — сделать канал невидимым.

— Разграничение принято, — сказала Дарья без обиды в голосе — судя по всему, такая структура казалась ей нормальной практикой в любой серьёзной организации. — Сроки?

— Не горит. Но и не бесконечно.

— Тогда начинаю сегодня, — сказала она и уже через десять минут сидела за столом исследовательского блока, разворачивая перед собой через оверлей проекцию первой схемы — три уровня, каждый следующий страшит предыдущий, точно так же, как строила бы план обороны укрепленного объекта.

* * *

К дому я подъехал автобусом — привычка, въевшаяся глубже, чем требовала нынешняя необходимость. Даже теперь, когда самой большой тайной моей жизни был термоядерный реактор под уральским камнем, я не сумел заставить себя доехать до подъезда на такси без единой пересадки. Профессия отпускает не сразу, даже когда профессия давно сменилась на что-то, для чего пока не придумали название в трудовых книжках.

Оля открыла дверь раньше, чем я успел достать ключ — то ли услышала шаги на лестнице, то ли просто угадала момент, как угадывала его годами.

— Живой, — сказала она спокойно.

— Живой, — подтвердил я, снимая куртку. — Голодный.

— Настя борщ доваривает. Говорит, получилось лучше, чем в прошлый раз.

Из кухни донёсся голос дочери:

— Пап, не слушай её, у меня по вкусу опять что-то не то. Я соль два раза добавляла.

— Значит, съедобная категория расширяется, — сказал я, входя на кухню.

Настя закатила глаза. Но улыбку не спрятала.

В квартире было как всегда: пыльный след на подоконнике в форме давно унесённого цветочного горшка, треснувшая плитка у ванной — всё собирался заменить, третий год откладывал, — магнитик на холодильнике с прошлогоднего отпуска, покосившийся, раздражавший глаз. Руки так и не дошли поправить.

За ужином говорили о контрольной по алгебре, которую Настя, как обычно, написала на пятёрку, даже не притронувшись к учебнику накануне. Потом о соседке сверху, снова затопившей лестничную клетку. Борщ и правда получился солёным. Признаться в этом вслух никто не решился.

— Пап, — сказала Настя, отодвигая пустую тарелку. — А ты опять скоро уедешь?

— Возможно, — сказал я. — Работа такая.

— Секретная консультация по безопасности, — она явно не поверила ни одному слову.

— Именно так, — подтвердил я, не моргнув.

— Ты никогда не рассказываешь, что там на самом деле.

— Потому что там на самом деле скучно. Совещания, отчёты, люди в костюмах спорят о бюджетах. Заснёшь на второй минуте.

Она прищурилась. Ольга молча убирала со стола и вмешиваться не стала.

— Ладно, — сказала Настя наконец. — Но если это шпионы, я хочу знать первой.

— Договорились, — сказал я. — Если это шпионы, ты узнаешь первой из всех гражданских лиц старше четырнадцати и младше шестнадцати.

Она фыркнула и ушла к себе — доделывать то ли домашку, то ли переписываться с подругами.

* * *

Ольга нашла меня позже, уже у окна кухни, где я по привычке минут пять просто смотрел на двор — ещё одна вещь, отпущенная службой не полностью.

— Настя переживает больше, чем показывает, — сказала она, вставая рядом. — Не про контрольную. Про тебя.

— Знаю.

— Я тоже переживаю, — сказала Ольга без драмы в голосе, тем же ровным тоном, каким сообщала бы о протекающем кране. — Просто давно перестала показывать это так же явно, как она.

— Оля...

— Не объясняй, — сказала она. — Ты никогда толком не объяснял, за пятнадцать лет брака я привыкла. Просто скажи: это опасно?

Я думал секунду. Ответ у меня был, вопрос был в дозировке.

— Меньше, чем раньше, — сказал я. — Честно.

Она посмотрела на меня долгим усталым взглядом и спрашивать сверх необходимого не стала.

— Тогда ладно, — сказала она. — Возвращайся, когда сможешь. Как обычно.

— Как обычно, — ответил я.

Ночевать я остался. Легенда позволяла: консультант по безопасности волен появляться дома между командировками так часто, как выдержит расписание. Я и правда теперь мог быть дома чаще.

Вернулся я на базу на следующий вечер и застал тренировочный зал третьего яруса в следах свежей работы: в воздухе ещё стояло ощущение недавнего движения.

Громов сидел на скамье, вытирая лицо полотенцем. Марина привалилась к стене и массировала плечо, морщась. Дарья стояла посередине зала, тяжело дыша, — и по лицу было видно: она сама не ожидала, что выиграет.

— Что я пропустил? — спросил я, заходя.

— Дарья уложила Громова, — сказала Марина, не скрывая удовольствия в голосе.

— Один раз, — уточнил Громов. — Не путать с системой.

— Дважды, — поправила Дарья. — Второй раз ты просто не засчитал, потому что это было унижительно.

— Это была случайность, — сказал Громов с достоинством проигравшего.

— Случайности не повторяются дважды за десять минут, — заметила Марина.

— Значит, статистика на моей стороне, — сказал Громов, и все трое рассмеялись — коротко, но искренне.

Я не успел спросить, что случилось на тренировке. По лицу Дарьи прошла тень — азарт схлынул, и я узнал этот переход.

— Что-то ещё, — сказал я. Не вопрос.

— Днём я разбирала архив сенсоров, — сказала Дарья, выпрямляясь. — Искала постоянную активность в диапазонах, через которые пойдёт наш будущий трафик. Хотела убедиться, что маскировка не столкнётся с чем-то, о чём мы не знаем.

— И?

— Нашла скан. Нестандартная частота, три недели назад, длился меньше секунды — почти ничего, шум на фоне шума. Я бы и не заметила, если бы не искала именно такие вещи. Отдала Архону.

— Источник идентифицирован, — сказал Архон ровным голосом. — Пассивный орбитальный зонд Кворума. Геостационарная орбита над данным районом. Активирован семь лет назад.

Никто не сказал ни слова.

— Семь лет, — повторил я.

— Семь лет, — подтвердил Архон. — Активность минимальна: периодическое сканирование, интервалы нерегулярны, вероятно, ради экономии ресурса и снижения риска быть замеченным. Скан три недели назад — рутинная проверка статуса объекта, не реакция на конкретное событие.

— То есть он не заметил ни портал, ни терминал, ни вообще ничего из того, что мы тут устроили за последний месяц, — сказала Марина.

— Данных, подтверждающих обнаружение, нет, — сказал Архон. — Отсутствие подтверждения не эквивалентно отсутствию факта.

— Понятнее не стало, — заметил Громов.

— Понятнее и не должно было стать, — сказал Архон. — Ситуация действительно неопределённая.

Дарья стояла, скрестив руки, и по её позе было видно: часть её, минуту назад разгорячённая победой над Громовым на мате, уже вернулась в тот режим, в котором она прожила последние годы прежней службы, — режим человека, для которого хорошая новость всегда временна, а плохая всегда ожидаема.

— Семь лет никто не смотрел, — сказала она тихо. — Остаётся надеяться, что и то немногое, что он поймал, никто толком не разобрал. А если в следующий раз разберут?

Никто не ответил сразу. Вопрос повис в воздухе — из тех, что не имеют хорошего ответа сегодня же вечером.

— Разберёмся утром, — сказал Громов наконец. — Сегодня уже поздно принимать решения такого масштаба на усталую голову. Дарья, отличная работа. В прямом смысле — по всем направлениям сразу.

— Спасибо, — сказала она, и усталость в её голосе была настоящей, не наигранной — усталость человека, отработавшего полный день по двум специальностям сразу и ещё нашедшего время уложить начальника на лопатки.

* * *

Мы с Громовым остались в зале вдвоём, когда остальные разошлись — Марина увела Дарью куда-то в сторону кухни, за чаем, судя по обрывку разговора, долетевшему до двери.

— Как дома? — спросил Громов, садясь обратно на скамью.

— Нормально, — сказал я, опускаясь рядом. — Настя выросла на сантиметр с прошлого раза, кажется. Или мне так кажется каждый раз.

— Скорее всего, второе.

— Скорее всего, — согласился я. Помолчал, взвешивая момент. После новостей про зонд разговор о деньгах выглядел неуместно, и всё же откладывать его дальше значило только продлевать проблему. — Алексей, нужно поговорить про финансы команды.

Громов посмотрел на меня без удивления — похоже, ждал этого разговора не меньше моего.

— Слушаю.

— Мы живём на личные сбережения. Мои, отчасти Марины, немного твои остатки от прежней жизни. Этого хватало, пока людей было четверо и трат было мало. Теперь нас шестеро, будет больше, а сбережения не бесконечны. Через два-три месяца упрусь в дно, если ничего не изменится.

— Знаю, — сказал Громов. — Считал то же самое на прошлой неделе.

— И?

— И это решится в ближайшее время, — сказал он. — Конкретную дату не назову — сам её ещё не знаю. Но работа уже идёт: как только Дарья закончит с маскировкой, Архон получит выход в сеть и время на адаптацию — тогда начнём разбираться с биржей, осторожно, по крайней мере первое время. Тот же принцип, что у Дарьи с защитой канала: не сразу на полную мощность, а уровень за уровнем, каждый следующий страшит предыдущий.

Я кивнул. Ответ был скучным и в то же время содержательным — ровно то соотношение, какого я ждал от Громова за пятнадцать лет совместной работы. Решения, которые ещё только формировались, он предпочитал не раскрывать раньше срока. К самому вопросу при этом относился всерьёз.

— Хороший ответ, — сказал я.

— Моя высшая похвала тебе тоже причитается сегодня, — заметил Громов. — Вернулся вовремя, ничего важного не пропустил, и твоя дочь выросла на сантиметр. Насыщенный день по всем фронтам.

Я усмехнулся, вставая. За окном исследовательского блока — там, где окна не было и быть не могло, только толща уральского камня, — я всё равно на секунду представил себе двор своего дома, освещённый одним фонарём через два перегоревших, и Ольгу, укладывающуюся спать в квартире, где меня уже не было.

Два дома, и оба настоящие. Раньше я думал, что рано или поздно придётся выбирать между ними. Теперь, кажется, дело было в другом — в том, сумею ли я и дальше удерживать оба, не уронив ни один.

Глава 7

Синтезатор с утра выдавал омлет — Вейс объявил накануне, что сырники слишком простая задача для настоящего исследования, и потребовал у Архона рецепт с открытым числом переменных. Получилось съедобно. Не более того.

Планк обнюхал тарелку, фыркнул и вернулся на подоконник.

— Даже кот не одобряет, — заметил Рогов, накалывая кусок на вилку и разглядывая его с недоверием.

— Кот избалован, — сказал Вейс, не поднимая головы. — Переменных было слишком много для первой попытки. Со второй будет лучше.

— С реактором тоже так было? — спросила Марина.

— С реактором до сих пор так, — коротко ответил Вейс и вернулся к тарелке.

— Прогресс есть? — спросил я.

— Прогресс всегда есть, — сказал Вейс. — Вопрос, в какую сторону. Сегодня разбираю контур охлаждения посегментно, как предлагал Архон в первый день. Раньше срока не обещаю — обещаю не молчать, если пойму что-то важное.

— Устраивает, — сказал я.

Дарья за столом молчала дольше обычного. В первые дни за этим молчанием стояла настороженность; сегодня — человек прикидывал, с чего начать разговор, который сам же готовил всю ночь. Я дал застолью покружить ещё пару минут вокруг омлета и кошачьих вкусов, прежде чем вернуть его туда, куда собирался вернуть с самого начала.

— Дарья. Зонд.

За столом стало тише. Не резко — просто такой тишиной, что означает: все знают, о чём пойдёт речь дальше, и ждут, кто начнёт первым.

— Ничего нового со вчерашнего вечера, — сказала Дарья. — Архон прогнал архив сенсоров ещё раз, за все семь лет, не только за последние недели. Активность минимальна и нерегулярна. Похоже на рутинную проверку статуса, не на реакцию на что-то конкретное.

— Значит, он просто сканирует время от времени, — сказал я, — и мы не знаем, что из увиденного успело уйти дальше.

— Не знаем, — подтвердила Дарья. — И повлиять уже не можем. Если данные ушли — семь лет назад, три недели назад, вчера, — это случилось раньше, чем мы вообще узнали о зонде. У него нет активного передатчика, который можно перехватить в моменте. Добраться до самого канала его связи с орбитой — отдельная задача. Не на сегодня.

— А если мы просто ошибаемся насчёт пассивности, — сказала Марина, не отрывая взгляда от чашки, — и он видит больше, чем показывает?

— Хороший вопрос, — сказал я.

— Проверяемый вопрос, — уточнил Архон, дождавшись паузы, прежде чем вступить. — Сигнатура зонда за семь лет не менялась ни разу — ни в момент постройки терминала, ни в момент открытия портала на Эдем в будущем, если оно случится. Пассивность подтверждена статистически, не декларативно. Оценка риска не меняется от обсуждения. Зонд активен минимум семь лет. Если передача данных состоялась, она уже состоялась. Дальнейшее наблюдение полезно для понимания его паттерна. Свершившегося оно не отменяет.

— Значит, исходим из худшего и не тратим время на то, что изменить нельзя, — сказал я. — Наблюдаем, но не позволяем зонду диктовать нам темп.

Рогов кивнул коротко — знак согласия с выводом, к которому он, судя по лицу, пришёл раньше меня.

— Продолжаем развиваться, — сказал он. — Не сидим и не ждём, пока кто-то наверху решит, заметили нас или нет.

— Продолжаем, — сказал я. — Константин — реактор, тем же темпом. Дарья с Архоном — сеть, раз уж, судя по вашим лицам, там есть что показать. И ещё один вопрос, который я собирался поднять сегодня в любом случае, зонд тут или нет.

— Слушаю, — сказал Рогов, отложив вилку.

— Нам нужны ещё люди. Для того, чтобы было кому обороняться, если в следующий раз придут не такой мелкой группой, как в прошлый раз. Большими силами, готовыми воевать по-настоящему. Четверых интегрированных и одного физика при реакторе мало, сколько бы дронов ни держал в резерве Архон. Савельев. Пора. И раз уж список у тебя всё равно есть — думай сразу и про снайпера, о которой ты упоминал.

— Нурова, — сказал Рогов. — Думаю. Но по порядку: сначала Савельев, он сам приведёт следующего, если сочтёт нужным. Так надёжнее, чем мне лично вербовать человека, которого я знаю только по старым сводкам.

— Логично, — сказал я. — Выйдешь сегодня?

— Сегодня же. Аккуратно, без спешки — с такими людьми спешка стоит доверия.

— Знаю. Не тороплю. Хочу только, чтобы это перестало быть пунктом в списке и стало делом.

Дарья отставила чашку и выпрямилась.

— Раз уж заговорили о делах. Канал готов. Не полностью, но готов настолько, что можно тестировать вживую, не только на схемах.

— Рассказывай, — сказал я.

— Идея та же, что я набросала сразу, только доведённая до рабочего состояния, — сказала Дарья. — Ретранслятор Предтеч симулирует сигнатуру одного из существующих земных спутников связи. Не подделывает — копирует технический профиль сигнала настолько точно, что со стороны это выглядит как штатная работа настоящего аппарата. Трафик при этом не идёт напрямую вниз, к нам. Он дробится на множество потоков и расходится через цепочку узлов — десятки других спутников, прежде чем снова собраться в одной точке. И поверх всего этого — алгоритм Предтеч для анонимности, тот самый, о котором Архон рассказывал в первый вечер. Он размывает происхождение трафика до состояния шума.

— Десятки спутников, — повторил Рогов. — Их владельцы не заметят чужой трафик в своих же каналах?

— В том и смысл цепочки, — сказала Дарья. — Каждый узел видит только соседний скачок, не весь путь целиком. Со стороны любого отдельно взятого спутника это выглядит как обычная ретрансляция чужого пакета — вещь, которая происходит миллионы раз в сутки без всякого нашего участия. Подозрительной становится не передача сама по себе. Закономерность в ней — вот что бросается в глаза аналитику. Именно закономерность мы и убираем алгоритмом Предтеч, рассеивая её так, чтобы за ней ничего не читалось, кроме случайности.

— А если аналитик окажется упорным? — спросил Рогов. — Проверит сразу несколько узлов, сопоставит время?

— Тогда увидит совпадения, которые ничего не докажут, — сказала Дарья. — Каждый скачок цепочки живёт своей отдельной легендой, не связанной формально с остальными. Собрать их вместе можно только имея доступ ко всем сразу — а это уже не работа одного упорного аналитика, это операция уровня государства, и то не любого.

— Даже если кто-то заметит аномалию в одном из промежуточных узлов, — сказал Архон, — источник восстановить будет невозможно без одновременного доступа ко всей цепочке. Такого доступа сегодня нет ни у одной земной структуры.

— Что заняло два дня? — спросил я. — Схема звучит ровно так, как ты предлагала с самого начала.

— Две вещи, — сказала Дарья. — Мне нужно было понять логику алгоритма Предтеч достаточно глубоко, чтобы совместить её с земной маршрутизацией. А самой объяснить

Архону, как устроен интернет на практике: протоколы, задержки, кто и как обычно ищет аномалии в трафике. Теория у него была с первого вечера. Практики — той, что накопили обычные земные администраторы, гоняясь за чужими взломами, — не было вовсе.

— И второе — обучающий контур сильно ускорил именно эту часть, — продолжила она. — То, что заняло бы недели разговоров, кресло передало почти напрямую. Я не столько разговаривала с Архоном, сколько загружала в себя куски его архива, а он забирал у меня то же самое через оверлей в обратную сторону.

— Кресло работает не только на рукопашный бой, — заметила Марина.

— Оно работает на любой готовый массив знаний, — сказал Архон. — Обмен между мной и Дарьей не был готовым массивом ни с одной из сторон. Это был процесс, который мы формулировали друг для друга по ходу дела. Кресло ускорило его усвоение. Самого процесса оно не заменило.

— Итог, — сказала Дарья, не дав разговору уйти дальше необходимого, — схема готова физически, не только на бумаге. Осталось проверить живую.

Тестировать решили сразу. Дарья настояла: чем дольше решение остаётся теорией, тем больше шансов найти в нём ошибку слишком поздно.

В исследовательском блоке собрались все — даже Вейс, неохотно оторвавшийся от панели реактора ради того, что сам назвал событием, заслуживающим личного присутствия. Планк устроился на свободном стуле с таким видом, будто тоже здесь по делу.

— Активирую, — сказала Дарья.

Она провела рукой по проекции, и на объёмном экране развернулась схема, которую я видел уже несколько раз за последние два дня. Только теперь она перестала быть статичной. Две тонкие линии — исходящий и входящий поток — ожили одновременно. Данные шли в обе стороны, ровно, без сбоев на стыках узлов, помеченных условными точками между орбитой и десятками наземных станций, ни одна из которых не подозревала о своей роли транзита.

— Работает, — сказал я. Вопросы в этом слове не было — только констатация того, что видели все.

— Работает, — подтвердила Дарья. — Объём и скорость я держу на минимуме сознательно. Наращивать буду постепенно, несколько дней подряд, не одним скачком. Резкий всплеск трафика на новом узле заметнее любой аномалии в самом сигнале. Медленный рост для того, кто следит за статистикой сети, выглядит обычным ростом нагрузки, ничем не примечательным на общем фоне.

— Разумно, — сказал Рогов.

Вейс подошёл ближе к проекции и долго разглядывал график, не произнося ни слова, — та же сосредоточенность, с какой он изучал панель реактора.

— Пропускная способность одного-единственного аппарата, — сказал он наконец. — Причём не самого нового поколения, если понимать под этим сорок семь тысяч лет. Наша земная связь опирается на тысячи спутников именно потому, что ни один из них не способен на такое в одиночку. Занятно, до чего разные пути можно найти к одной и той же задаче.

— Разные объёмы задачи, — уточнил Архон. — Земные спутники решают её для миллионов пользователей одновременно. Здесь — для одной базы. Сравнение не вполне корректно, но замечание принято.

— Архон, — сказал я. — Как справляешься с объёмом?

Пауза перед ответом вышла дольше обычной. Не намного — на долю секунды. Но достаточно, чтобы её заметили все, кто провёл рядом с этим голосом последний месяц.

— Требуется уточнение, — сказал Архон. — За восемьсот лет изоляции у меня накопился обширный архив данных о самих Предтечах. О том, как устроено мышление вида, продолжавшего развиваться без меня всё это время, — крайне мало. Объём информации, поступившей за первые секунды после активации, превысил всё, что я обрабатывал одновременно за

время работы на этой базе. Не сбой. Новая категория задачи. Оцениваю время на выстраивание устойчивых приоритетов фильтрации в несколько дней — синхронно с ростом самого канала.

— Тебе нужна помощь? — спросила Марина.

— Помощь в этом смысле означала бы, что кто-то способен выполнить фильтрацию быстрее меня, — сказал Архон. — Это не так. Требуется время. Не содействие.

— Честный ответ, — сказал Вейс. В его голосе звучало одобрение — так он реагировал на коллег, умевших признать предел собственной модели вместо того, чтобы прятать его за общими словами.

— Пока Архон привыкает, — сказала Дарья, — доступ к каналу уже есть у каждого из вас — через проекцию, вот как сейчас. После того как всё стабилизируется, добавим то же самое в оверлей. Не придётся идти в этот блок ради простого запроса.

— Покажи, — сказал я. — Не абстрактно.

Дарья на секунду задержала взгляд на проекции, потом заговорила, не поднимая глаз:

— Архон. Открытые источники. Моё увольнение из РЭБ ФСБ, двухлетней давности. Что осталось в публичном поле.

Проекция ответила быстрее, чем я набрал бы тот же запрос в обычном поисковике. Несколько результатов: сухие форумные обрывки бывших сослуживцев, обсуждающих чужую карьеру. Причины никто не назвал. Пометки, что дело числится открытым во внутренних сводках, тоже не нашлось.

— Тихо, — сказала Дарья. — Значит, либо закрыли совсем, либо просто не потрудились вынести куда-то, откуда я могла бы это увидеть.

— Внутренние базы недоступны через открытый канал, — уточнил Архон. — Перед вами исключительно публичный след. Закрытая часть требует другого уровня вторжения — и другого уровня риска.

— Знаю, — сказала Дарья. — Не прошу. Хотела увидеть, есть ли вообще что искать. — Она повернулась к остальным. — Это ответ на ваш вопрос про демонстрацию, Алексей. Два года я не могла узнать о себе то, что теперь узнаю за четыре секунды.

Марина присвистнула и потянулась к собственной проекции — судя по скорости, с которой задвигались её пальцы, список вопросов у неё был готов заранее.

— Архон, — сказала она, — а сколько сейчас градусов на северном склоне, где я вчера брала образцы? Обычным способом я узнаю это только через час, когда сама туда дойду.

— Минус три, ветер слабый, снег с полудня, — ответил Архон без промедления. — Данные метеослужбы, ретранслированные через тот же канал.

— Не хуже похода, — сказала Марина, и в голосе её звучало неподдельное удовольствие, без всякой обязательной оговорки следом.

— Дарья, — сказал я, пока остальные ещё не разошлись. — Два дня, и канал держит с первой же проверки. Спасибо.

Она пожала плечами, но взгляд задержался на мне на секунду дольше, чем требовал простой ответ.

— Работа была общая, — сказала она. — Половину я бы не сделала без Архона.

— Тебе тоже, — сказал я, уже в пустоту зала. — За то, что взял на себя фильтрацию, не дожидаясь, пока кто-то из нас догадается об этом попросить.

— Благодарность принята, — ответил Архон. — Хотя объективной необходимости в ней нет: адаптация к новому объёму данных — часть моей функции, не отдельная услуга сверх неё.

— Всё равно, — сказал я.

Вейс тем временем уже возвращался к реактору, коротко махнув всем на прощание. Рогов, взглянув на часы, поднялся следом. Терминал давно сократил дорогу до города — разговор с Савельевым это не ускоряло: такие разговоры второпях не ведут. Я остался у проекции ещё немного, глядя, как ровные линии трафика идут в обе стороны, — маленькая, почти

незаметная деталь на фоне всего, что предстояло построить, но добытая честно, не подаренная базой заранее.

Марина задержалась дольше остальных, разглядывая уже погасший было график с той жадностью до нового инструмента, что я узнавал в ней с первого дня знакомства.

— Знаешь, что мне спокойнее всего от всей этой истории с зондом? — сказала она, не оборачиваясь. — Что теперь, если он вдруг зашевелится, мы узнаем об этом сразу.

* * *

Архив перехвата оказался больше, чем я рассчитывала при заказе. Вейлар предупредила — масштаб я оценила только теперь, разворачивая его по частям уже который цикл подряд. Обрывки переговоров, аналитика сети, что годами выстраивалась вокруг этой планеты и рассыпалась за считанные недели. Я читала не по датам — от структуры к отдельному узлу, который эту структуру и обрушил.

Сегодня дошла до раздела, помеченного как «второй провал»: донесение о группе, взятой живой и отпущенной без единого воспоминания о задании. Перечитала уже трижды. Каждый раз задерживалась на одном месте. Существо, способное стереть чужую память с такой точностью, что не осталось ни следа паники, ни малейшего сбоя психики у тех, кого лишили нескольких часов жизни, — не воспользовалось этой же способностью для чего-то более выгодного себе. Не подделало их память под ложную цель. Не оставило среди отпущенных наблюдателя, работающего вслепую. Просто вернуло людей туда, откуда взяло, будто самую возможность использовать их иначе никто и не рассматривал.

— Странная экономия силы, — сказала я вслух, обращаясь к пустой каюте.

— Уточните параметр, — отозвалась система.

— Не тебе, — сказала я и вернулась к архиву.

Дэрхан назвал бы это слабостью — неспособностью довести преимущество до конца там, где сила позволяет больше. Я всё чаще ловила себя на мысли, что назвала бы это иначе. Мысль эта не приносила облегчения. Чем точнее она формулировалась, тем труднее становилось держать её при себе до прибытия.

В архиве нашёлся и голосовой фрагмент — короткий, три секунды звука, снятого микрофоном разведывательного дрона задолго до его гибели. Разобрать слова переводчик не сумел, только интонацию: ровный, лишённый нажима тон человека, отдающего распоряжение, которое, судя по всему, не предполагало возражений. Я прослушала фрагмент четыре раза подряд, прежде чем заметила за собой эту привычку и остановилась. Не для протокола — для себя.

Вейлар зашла ближе к вечеру корабельного цикла, без предупреждения, как заходила всегда, — водные гуманоиды сиирэ вообще плохо понимали земную (то есть хассарскую) идею стука в дверь перед входом.

— Дэрхан запрашивал отчёт о ходе анализа, — сказала она. — Я ответила, что вы работаете. Не уточнила, над чем именно.

— Спасибо, — сказала я, не отрываясь от проекции.

— Не за что благодарить. Я просто предпочла точную формулировку неточной. — Вейлар опустилась в кресло напротив с той неспешностью, с какой садятся существа, не измеряющие время так, как измеряют его хассары. — Ты нашла что-то, что меняет оценку?

— Пока нет, — сказала я. — Нахожу то, что меняет мою собственную оценку. Директиве от этого пока ни холодно ни жарко.

— Разница, которую Дэрхан не готов услышать, — заметила Вейлар, — но которую готова услышать я, раз уж спросила.

Я не ответила сразу — сама не была уверена, что готова облечь наблюдение в слова, годные для чужих ушей, даже таких доброжелательных, как у Вейлар. Молчание затянулось, и она не торопила его закончиться, — качество, за которое я ценила её больше, чем за любое другое.

— Что бы ты ни нашла, — сказала наконец Вейлар, поднимаясь из кресла, — донесение перед Советом составляешь ты. Формулировка остаётся твоим правом, пока ты сама не откажешься от него.

— Пока не отказываюсь, — сказала я.

Она вышла, оставив меня наедине с архивом и проекцией, где на экране застыла последняя открытая страница — распечатка результата допроса, обрывающаяся на середине фразы. Дальше шла только пометка о стёртой памяти, будто редактор донесения сам не знал, чем закончить абзац, у которого не было привычного финала: ни смерти, ни пленения, ни бегства. Просто чистая страница там, где полагалось быть развязке.

Одиннадцать циклов пути. Осталось лететь восемь...

Глава 8

Терминал сработал без задержки: плоский круг света снизу, шаг — меня встретила пустая ниша склада и обычное утро промзоны. За этой лёгкостью прятались триста километров расстояния и сорок семь тысяч лет разницы между двумя мирами, но по ощущениям это стоило ровно одного шага через дверь между комнатами. К такому фокусу я так и не привык до конца.

Мне нужно было найти Савельева. Человек, ушедший со службы из принципа, редко пропадает бесследно — слишком многие в этом городе знают, где искать таких, как он. Но проверить самому надёжнее, чем полагаться на слухи трёхлетней давности, и вечер накануне я потратил на звонок старому сослуживцу. К утру у меня имелся не только адрес, но и расписание: по будням Савельев с девяти до двух ведёт занятия в стрелковом клубе на Малышева, дальше свободен.

Такси высадило меня за квартал до входа. Клуб занимал первый этаж бывшего заводоуправления: обшарпанная лестница, стойка администратора, за стеклом — тир, где щёлкали одиночные выстрелы, ровные, без единой сбитой паузы между ними. Я узнал этот ритм ещё на подходе.

Савельев стоял за спиной у клиента — молодого парня с зажатыми плечами — и коротким движением поправлял ему хват, без единого лишнего слова. Я узнал его сразу, хотя видел прежде только на архивных снимках да однажды, три года назад, в бинокль, когда наши пути пересеклись в Алеппо и разошлись, не успев толком соприкоснуться. Он не изменился в той мере, в какой вообще меняются такие люди: та же короткая стрижка и прямая спина, тот же взгляд, оценивающий помещение прежде, чем задержаться на человеке.

Он заметил меня раньше, чем я успел войти в зал целиком, — не повернул головы, просто сместился, чтобы держать в поле зрения сразу и ученика, и дверь. Профессиональная привычка, знакомая мне не хуже собственной.

Занятие он закончил вовремя, ни минутой раньше, ни минутой позже, отпустил парня коротким «на сегодня всё» и подошёл сам — раньше, чем я успел бы придумать повод подойти первым.

— Вы ко мне, — сказал он. Не вопрос.

— К вам, — сказал я. — Дмитрий Рогов. Есть разговор, для которого этот зал не место.

Он окинул меня тем же взглядом, каким минуту назад оценивал хват ученика: коротко, без задержки, но так, что я почувствовал себя разобранным на составные части и уже частично собранным обратно.

— Кафе через дорогу, — сказал он. — Десять минут, у меня следующая группа в два.

— Хватит.

Кафе оказалось тем самым заведением, что не меняется от десятилетия к десятилетию: пластиковые столы, меню без фотографий, официантка, давно переставшая удивляться посетителям, не задерживающимся дольше получаса. Савельев сел спиной к стене, лицом к входу — рефлекс, который я ношу в себе пятнадцать лет и, судя по всему, уже не вытравлю из себя ничем.

— Чай, — сказал он официантке, не заглянув в меню. — Чёрный, без сахара.

Мелочь, которую я отметил про себя без особой причины, просто потому что в нашем деле любая мелочь однажды может пригодиться: не кофе. Либо не любит, либо давно перестал позволять себе зависимость даже от такой малости, как утренняя чашка.

— Слушаю, — сказал он, когда официантка отошла.

Я не стал тянуть. С такими людьми лишняя вступительная фраза читается либо как неуверенность, либо как попытка манипуляции, а ни то ни другое не годилось для разговора, ради которого стоило вообще ехать через весь город.

— У меня есть сослуживец полковник Громов, — сказал я. — Ему нужен человек вашей специализации, для правильного дела.

Пауза, которую он выдержал, отличалась от обычной паузы раздумья. Это было узнавание, всплывающее не сразу, потому что имя пришлось долго доставать из места, куда он сам его убрал.

— Полковник, — сказал он наконец. — Разведка. Алеппо, две тысячи пятнадцатый. Числился пропавшим — я видел сводку случайно, фамилия зацепилась.

— Он самый.

— Не совсем пропал, — сказал я. — Пропал. Но не в том смысле, какой вы, наверное, вкладываете в это слово.

— Говорите загадками, — заметил Савельев, не как упрёк — просто фиксируя факт.

— Отвечу прямо, если дослушаете до конца, — сказал я. — Первая неудобная деталь — ещё не повод вставать и уходить. Он нашёл кое-что. Достаточно важное, чтобы понадобился человек вроде вас.

— Законно? — спросил он.

Вопрос я обдумывал ещё в такси, зная, что прозвучит он первым или вторым. Ответ у меня был готов заранее, но произнести его вслух оказалось труднее, чем отрепетировать про себя.

— Не совсем, — сказал я. — Но правильно.

Он посмотрел на меня дольше, чем требовал простой ответ, — той оценкой, что отличает специалиста, привыкшего проверять формулировку на прочность прежде, чем принять её на веру, сколько бы уверенности в ней ни звучало.

— Три года, — сказал он, не то мне, не то в пространство между нами. — Три года объясняю подросткам и менеджерам среднего звена, что нельзя держать палец на спуске, пока не готов стрелять. Вы знаете, почему я ушёл со службы?

— В общих чертах.

— Тогда в подробностях, раз уж вы издалека приехали за откровенностью. — Он отпил чай не торопясь, будто разговор мог подождать ровно столько, сколько потребуется чашке остыть до нужной температуры. — Операция, по которой штаб принял решение раньше, чем закончил анализ данных. Я доложил: план плохой, фланг открыт, окно на отход слишком короткое. Мне ответили: время поджимает, план утверждён, работаем по нему. Трое не вернулись. Не потому что мы плохо стреляли. Потому что кто-то наверху решил, что скорость решения важнее его качества.

Он не искал во мне сочувствия. Просто доложил факт — ровно, как докладывают результат стрельбы.

— С тех пор не работаю там, где чужое решение способно оказаться дороже человека, которого оно касается, — закончил он.

— Туда, куда я вас зову, — сказал я, — придётся принимать решения именно такого рода. Возможно, чаще, чем вам захочется.

— Чьих решений? Ваших? Этого вашего Громова?

— Громова. Но он спрашивает мнение прежде, чем решить.

— А после того, как решит, — спросил Савельев, — мнение ещё что-нибудь значит?

Вопрос был из тех, что задают ради проверки: готов ли собеседник отвечать всерьёз или отделается удобной формулой.

— Значит, — сказал я. — Не всегда меняет итог. Но значит настолько, что решение всякий раз объясняют. Готовым сверху его никто не спускает.

Он молчал дольше, чем требовал простой ответ. Взвешивал услышанное так же, как взвешивал бы новый маршрут отхода: прикидывал, что случится, если условие окажется ложным, прежде чем довериться ему на слово.

— Когда? — спросил он.

— Сегодня, если готовы. Позже, если нет.

— Готов, — сказал он, отставляя пустую чашку. — Не буду спрашивать, что взять с собой. Полагаю, вы уже продумали этот вопрос за меня.

— Ничего, — сказал я. — Разве что причину для клуба на ближайшую неделю.

— Скажу: семейные обстоятельства. Универсальная формулировка, ей никто не возражает.

— Два момента, прежде чем поедem, — сказал я. — Деньги. Платим из общих средств команды — собственный источник дохода ещё не запущен, так что роскоши не обещаю, но без содержания не останетесь.

— Не спросил бы сам, — сказал Савельев, пожимая плечами. — Три года в тире на жизнь хватало. Раз уж заговорили — устроит любая сумма, о которой не приходится думать каждый день.

— Второй момент — медицина. У нас лучше, чем в любой ведомственной поликлинике. По-настоящему лучше, не на бумаге.

Он помолчал, и рука на секунду легла на колено — старый осколок, память о прежней службе, отзывающийся при резкой смене погоды.

— Есть такое, — сказал он, поймав мой взгляд. — Врачи разрешили служить, дальше сам приспособился.

— Приспосабливаться больше не придётся.

Он поднялся, оставив на столе ровно ту сумму, что нужна была для оплаты, минута в минуту, без округления в чью-либо пользу.

— Далеко ехать? — спросил он.

— Не очень, — сказал я. — Но не совсем в ту сторону, куда вы подумали.

Он не переспросил. Этого я и ожидал: человек, тридцать секунд назад согласившийся на неизвестность, не тратит вопросы на детали маршрута.

* * *

Склад встретил нас привычной пустотой — бетонный пол, ряды чужих стеллажей, тишина, в которой шаги отдавались дальше, чем должны бы в помещении такого размера. Савельев прошёлся по нему коротким взглядом, каким сам бы я оценил незнакомую точку перед тем, как в неё войти: выходы, углы обзора, отсутствие лишних людей.

— Логистика, — сказал он, прочитав табличку у входа. — Прикрытие не первой свежести, но рабочее.

— Рабочее, — согласился я и повёл его за фальшивую перегородку, в техническую нишу, где ждал терминал.

— Встаньте здесь, — сказал я, указывая на границу очерченной зоны. — И что бы ни случилось дальше — не делайте резких движений. Проверено на четверых до вас, никого ещё не подвело.

— Утешительная статистика, — заметил он, вставая в зону без единого вопроса о том, что она вообще означает.

Портал поднялся из-под пола ровным кругом света, и мир вокруг нас сменился одним движением, без перехода, без единой секунды на подготовку к неизбежному вопросу «как это возможно».

Портальный зал встретил нас гулкой пустотой сводов. Савельев не дрогнул — по крайней мере не так, чтобы это заметил кто-то менее внимательный к чужим реакциям, чем я. Но взгляд его прошёлся по трём аркам, по ровному свету без видимого источника, по воздуху, слишком

чистому для подземелья, — так же деловито, как минуту назад скользил по залу стрелкового клуба.

— Это то, о чём я думаю, — сказал он. Не вопрос — гипотеза, выдвинутая вслух для проверки.

— Хуже, — сказал я. — Или лучше. Сейчас сам решишь, что вернее.

Громов вышел навстречу из прохода в жилой блок — неспешно, как встречал каждого, чьё появление здесь стоило его личного времени.

— Громов, — сказал он, протягивая руку.

Савельев пожал её крепко и коротко, задержав взгляд на его лице чуть дольше, чем требовало простое знакомство.

— Товарищ полковник, — сказал он.

— Больше не полковник, — сказал Громов.

— Алеппо, две тысячи пятнадцатый, — сказал Савельев. — Вы работали на одной стороне разведанных, я на стороне исполнения. Виделись раз, может два. Но ваша часть отработала настолько чисто, что фамилия запомнилась сама.

— Мир тесен, — сказал Громов, не столько удивлённо, сколько буднично. — Тогда объяснять, кто я, будет проще.

— Значительно, — согласился Савельев.

* * *

Разговор занял вдвое меньше времени, чем с предыдущими тремя. Громов рассказывал не короче обычного — просто Савельев слушал иначе. Марина в своё время уточняла детали архива Предтеч, Вейс — параметры реактора, Дарья — уязвимости канала связи. Савельев не перебил ни разу и не задал ни одного вопроса о самой технологии. Когда Громов закончил, спросил только одно:

— Сколько у нас времени до момента, когда Кворум перестанет считать базу абстракцией и займётся ею всерьёз?

— Неизвестно, — сказал Громов. — Может быть, годы. Может быть, меньше.

— Плохой ответ, — сказал Савельев без осуждения — так же ровно, как доложил бы о промахе на стрельбище. — Но с такими я работал чаще, чем с хорошими.

— Оружие у нас есть, — сказал Громов. — Больше, чем мы пока умеем применять как следует.

— Это я и надеялся услышать. — Он кивнул один раз, коротко. — Отсутствие умения — вопрос времени. Отсутствие оружия — вопрос, который время не решает.

— Хватит нас? — спросил он затем. — Людей.

— Пока нет.

— Кто ещё нужен?

— Нурова, — сказал я.

Он кивнул, без единого дополнительного вопроса, — так подтверждают то, что уже решили для себя заранее.

— Она справится, — сказал он. — Работали вместе однажды, недолго. Не суетится там, где суета стоит жизни.

— Моя оценка та же, — сказал я.

— Прежде чем продолжим, — вмешался Архон, — процедура допуска. Биометрия, генетический профиль, затем базовая интеграция.

Голос раздался из ниоткуда, и я увидел, как рука Савельева на долю секунды качнулась к боку, туда, где двадцать лет привычки держали кобуру, — и остановилась на полпути: тот же холодный расчёт, что срабатывает при виде безоружного гражданского в зоне поражения.

— Рефлекс, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Пройдёт.

— Реакция ожидаема, — сказал Архон. — Вы не первый, кого голос без источника заставляет тянуться к оружию.

— Приятно быть предсказуемым хотя бы в чём-то, — сказал Савельев, и это было первое, что прозвучало у него похожим на шутку за весь день.

— Генетический профиль — шестьдесят три процента, — сказал Архон несколько секунд спустя.

— Это хорошо или плохо? — спросил Савельев.

— Достаточно для полного функционала базового протокола интеграции, — сказал Архон. — Побочных эффектов не предвидится.

Капсула приняла его, — ни один мускул не выдал того, что происходило у него внутри, разве что едва заметное движение зрачков под сомкнутыми веками, будто он следил взглядом за чем-то, видимым только ему.

Крышка раскрылась через несколько минут. Он сел, тряхнул головой один раз.

— Прохлада была, — сказал он. — И тепловой контур на вашем запястье. — Он посмотрел на меня. — Пульс чуть выше нормы.

— Обычное дело для человека, только что познакомившего вас с ИИ, который старше вас на сорок семь тысяч лет, — сказал я.

— Логично, — сказал он, поднимаясь. — Не буду спрашивать, что ещё это умеет. Разберусь по ходу, как разбирался всегда.

* * *

Вечером мы поужинали привычным уже составом — шестеро за одним столом, притом что месяц назад нас было трое, — и Савельев говорил не больше обычного, но слушал внимательно: как Вейс в третий раз объяснял разницу между вчерашним омлетом и сегодняшним, как Дарья вполголоса делилась с Мариной результатами теста канала. К компании он не рвался и не сторонился её — держался ровно и нейтрально, как держится на новом месте любой профессионал, ещё не решивший, сколько личного пространства ему здесь причитается.

После ужина я повёл его в оборонный сектор, показать то, что рано или поздно станет его хозяйством. Утро подождало бы, но зачем — день и так вышел длинным. Полутьма здесь стояла всегда, независимо от часа: ряды законсервированного оружия, коридоры, где полировка стен обрывалась резче, чем в жилых блоках базы.

Савельев шёл вдоль рядов дронов неторопливо, останавливаясь у каждого класса ровно настолько, сколько требовалось, чтобы разложить незнакомую технику на понятные категории.

— Разведывательный класс, — сказал Архон, когда он задержался у «Тени» дольше обычного. — Функция — разведка и целеуказание. Не несёт вооружения.

— Сколько их всего? — спросил Савельев.

— Тридцать два «Иглы», двенадцать «Стражей», три «Тени», — сказал Архон. — Сорок семь боевых единиц в общей сложности.

Савельев помолчал, взвешивая цифру против чего-то своего, вынесенного из прежней службы и никак не озвученного вслух.

— Негусто для обороны периметра такого масштаба, — сказал он наконец.

— Достаточно при грамотном распределении, — сказал Архон. — Численность компенсируется координацией и скоростью реакции, недоступной живому расчёту.

— Посмотрим, — сказал Савельев без вызова в голосе, скорее как человек, оставляющий вопрос открытым до собственной проверки.

Он кивнул и двинулся дальше, остановившись наконец перед «Стражем» — корпус вдвое крупнее «Иглы», встроенный генератор силового щита, способного прикрыть десяток бойцов разом.

— Архон, — сказал он. — Ими можно управлять?

— Да, — сказал Архон. — Оборонный контур допускает управление авторизованными операторами при санкции Носителя.

— Это то же разрешение, что вы не даёте самому Громову? — спросил Савельев. — Или другое?

Пауза Архона вышла длиннее обычной — я успел различить эту разницу за месяц достаточно хорошо, чтобы отметить её сразу.

— Другое, — сказал Архон. — Санкция на доступ к отдельным системам — решение, которое Носитель вправе принимать в пределах уже установленного доверия. Полная разблокировка оборонного комплекса для него самого — вопрос иного порядка, требующий заключения о лояльности — вывод, для которого одного разговора мало, нужно долгое взаимодействие.

— Значит, вы доверяете ему настолько, чтобы он нами командовал, — сказал Савельев, — но не настолько, чтобы дать ему самому решать, когда нажимать на спуск.

— Точная формулировка, — сказал Архон.

Савельев кивнул, принимая разграничение спокойно, как принял бы любую другую деталь субординации, — не первый в его жизни случай, когда доверие к человеку и доверие к системе измеряются разными мерками.

— Как именно управлять? — спросил он.

— Два уровня, — сказал Архон. — Стандартный — через оверлей, целеуказание и команды в пределах покрытия ретранслятора. Расширенный — резонанс, управление без визуального контакта вообще. Он не гарантирован уровнем допуска и зависит от индивидуального профиля совместимости. Пока не проявлялся ни у кого, кроме единичных отклонений.

— То есть я получу первое, — сказал Савельев, — и, возможно, никогда не получу второе.

— Верное понимание.

— Оружие у бойцов — тоже под контролем? — спросил он.

— Личное оружие подчиняется отдельному протоколу базы, — сказал Архон. — Оборонный контур им не управляет. Одиночный или парный прицельный выстрел.

Савельев на мгновение прищурился, будто прикидывал, во сколько миссий это правило обошлось бы ему на прежней службе, а во сколько — спасло.

— Разумно, — сказал он наконец. — Очередь чаще выдаёт позицию, чем решает задачу. Удивлён, что до этого додумались люди — я ждал такое скорее от машины.

Он обошёл «Стража» по кругу, изучая сочленения конечностей и едва заметную прорезь, откуда, по моим словам, исходил направленный электромагнитный импульс, способный вывести из строя технику Кворума.

— Тогда начнём с анализа, — сказал он. — Полная спецификация: вооружение, защита, автономность, слабые точки.

— Иницирую передачу, — сказал Архон, и в его тоне мне послышалось нечто похожее на удовлетворение — то самое, что появлялось у него на вопросы по существу — вежливость он, кажется, просто не замечал.

Я оставил его там, у панели с разворачивающейся спецификацией. Попрощался коротко, зная, что дождусь в ответ разве что кивка, и пошёл к себе, чувствуя то спокойствие, что бывает, когда оставляешь дело в надёжных руках.

День начался разговором в чужом городе, а закончился ещё одним именем, вычеркнутым из списка Громова и вписанным в число тех, кто теперь делит с нами эту гору камня и всё, что под ней скрыто. Список, которым он пугал себя ещё месяц назад — энергия, люди, легализация, деньги, Кворум, — потерял сегодня ещё одну строку неопределённости. Не всю. Но достаточно, чтобы заснуть немного спокойнее, чем накануне.

Глава 9

Осколок Марина достала за одиннадцать минут — я засёк по времени только потому, что стоял в дверях медблока и больше делать было нечего. Капсула показывала колено подсвеченным контуром, разворачивающим кость и мягкие ткани в объёмную схему, и на этой схеме крохотный тёмный клин у сустава выглядел совершенно не так, как звучало в описании Савельева, когда он только упомянул колено, — «что-то мешает при смене погоды».

— Металл, — сказала Марина, не оборачиваясь. — Старый, окислившийся по краю. Года три-четыре пролежал бы ещё спокойно, а там бы задел нерв.

— Осколок оперировали дважды, — сказал Савельев с капсулы, откуда саму схему ему было не видно. — Оба раза сказали — всё вышло.

— Второй раз вышло не полностью, — сказала Марина. — Сейчас выйдет.

Архон убрал клин из тканей мягким движением манипулятора, тонкого, как игла, и опустил его в лоток с сухим стуком, неожиданно громким после тишины процедуры.

— Заодно фиксирую два хронических процесса за пределами исходного запроса, — сказал Архон: — раннюю дегенерацию межпозвоночных дисков поясничного отдела и рубцовые изменения лёгочной ткани, вероятно посттравматические.

— Оба в пределах первого класса, — сказала Марина, сверившись со схемой на панели. — Рекомендую устранить в рамках того же сеанса.

— Устраняйте, — сказал Савельев, не спрашивая подробностей ни про диски, ни про лёгкие, — так же спокойно, как накануне не спросил, что именно почувствует во время генетического сканирования.

Я смотрел, как крышка капсулы опускается, и думал о том, что Марина за это время прошла путь от геолога, читающего структуру породы, до человека, произносящего «в пределах первого класса» с той же спокойной уверенностью, с какой раньше говорила о возрасте минерала. Архив Предтеч дал ей знание. Практика дала это спокойствие.

— Первый твой самостоятельный, — сказал я, когда Архон вывел итоговую сводку сеанса на панель. Просто наблюдение: я весь сеанс простоял в дверях и видел это своими глазами.

— Первый, — сказала Марина. — До сегодняшнего дня я только читала протоколы Архона, сама сеанс не вела.

— Незаметно, — сказал я.

— Заметно мне, — сказала она. — Руки не дрожали. Но волновалась я как на экзамене.

Час спустя Савельев вышел из медблока, разминая колено на ходу с таким видом, будто проверял чужое снаряжение после ремонта.

— Ну как? — спросил я.

— Странно, — сказал он. — Долгие годы знал, где заболит, если резко повернуться. Теперь не знаю. Придётся заново привыкать к себе.

— Плохая новость?

— Терпимая, — сказал он и добавил, помолчав: — Врачи в госпитале, помню, называли осколок «сувениром». Не самое приятное слово для того, что живёт у тебя в колене восемь лет.

— Здесь сувениры не оставляют, — сказал я. — Разве что по собственному желанию.

* * *

В кресло обучающего контура в тот же день сели трое.

Архон объяснил порядок заранее, пока мы шли к исследовательскому блоку: три программы, три параллельных сеанса, у каждого — своё содержание, зависящее от места в команде. Савельеву — рукопашный бой Предтеч и военная доктрина: тактика автоматизированной обороны, координация человека с дроном, история конкретных столкновений. Мне и Рогову — та же доктрина, без рукопашного боя: мы прошли его недавно, и повторного сеанса

он не требовал. Мне отдельно — то, что Архон назвал стратегическим слоем: логика, стоящая за самой тактикой, выстроенная расой, воевавшей веками дольше, чем существует вся человеческая военная история.

— У меня уже есть рукопашный бой, — сказал Рогов, укладываясь в соседнее кресло. — Обидно, что нельзя пройти программу дважды просто ради удовольствия.

— Обучающий контур не развлекательная система, — сказал Архон.

— Знаю, — сказал Рогов. — Потому и обидно.

Савельев улёгся молча — с тем же коротким выдохом перед доверием незнакомому механизму, что я уже видел у половины команды за последний месяц.

Сеанс занял чуть больше часа. Открыв глаза, Савельев несколько секунд лежал неподвижно, глядя в потолок с выражением человека, пересчитывающего собственные конечности после падения.

— Ну как ощущения? — спросил я то же, что утром спрашивал про колено.

Он сел, помолчал, разминая пальцы.

— Двадцать лет учил людей ломать друг другу кости руками, — сказал он. — Думал, знаю в этом деле всё, что вообще можно знать. Теперь чувствую то же самое, что почувствовал бы шахматист, которому вдруг открыли на доске ещё одно измерение.

— Знакомое ощущение, — сказал я.

— Не сомневаюсь.

Рогов поднялся из своего кресла куда обыденнее — не в первый раз для него.

— Доктрина у нас с тобой одна и та же? — спросил он меня.

— По содержанию — да, — ответил за меня Архон. — По глубине — нет. Носителю передан дополнительный стратегический слой, недоступный остальным до соответствующего уровня допуска. Также обоим переданы данные по столкновению на «Рубеже» восьмьсот лет назад — единственная известная битва Предтеч с Кворумом, зафиксированная в архиве полностью.

— «Рубеж» — это что? — спросил Савельев.

— База снабжения в поясе астероидов, — сказал я. — Кворум атаковал её раньше, чем добрался до Цитадели. Мы ещё не были там сами.

— То есть у нас уже есть прецедент поражения, — сказал Савельев без всякой иронии, скорее как факт, который стоит держать в памяти отдельно от остальных.

— Есть прецедент выживания, — сказал я. — Цитадель устояла. «Рубеж» — нет. Разница в архиве прописана подробно.

— В доктрине отдельным разделом идёт координация человека с дроном при потере связи с центральным контуром, — добавил Архон. — На «Рубеже» гарнизон потерял управление автоматикой в первые минуты штурма и продолжал сражаться вручную, без единой согласованной схемы. Раздел построен на разборе именно этой ошибки.

— То есть учат не полагаться на технику там, где техника может отказать первой, — сказал Савельев.

— Учат иметь план на этот случай заранее, — сказал Архон. — Отсутствие плана и было настоящей ошибкой гарнизона. Техника лишь исполнила то, для чего создавалась, — отказала там, где отказывает любая техника рано или поздно.

— Разумно, — сказал Савельев тоном человека, привыкшего слышать похожие выводы куда более длинными словами и куда позже, чем следовало бы.

Стратегический слой я не стал озвучивать за него вслух. Скрывать было нечего — содержание пока укладывалось у меня самого с трудом. Предтечи планировали кампании десятилетиями вперёд, распределяя ресурсы так, чтобы ни один фронт не оставался открытым дольше необходимого срока, и держали правило, которое Архон сформулировал одной фразой: закрывать направления по очереди, не пытаться удержать всё одновременно. Применительно

к «Дельта-7» и Кворуму это звучало почти банально. Применительно к тому, чем предстояло заниматься дальше, — куда менее банально.

Разведка учила искать один вывод на шаг вперёд. Стратегия Предтеч требовала другого — держать в голове сразу несколько направлений на много ходов дальше. Аналитик во мне никуда не делся; ему предстояло работать в паре со стратегом.

— О чём задумался? — спросил Рогов.

— О том, что придётся выбирать, с кем воевать в первую очередь, — сказал я. — Раньше казалось, что времени хватит на всё сразу.

— Времени никогда не хватает на всё сразу, — сказал Рогов. — Просто ты раньше не должен был выбирать вслух.

— Значит, будешь знать, зачем мы делаем то, что делаем, а я буду знать только как, — сказал Рогов мне, не обижаясь, скорее фиксируя очередную деталь субординации, ставшую за месяц привычной.

— Кому-то нужно решать, — сказал я.

— Не спорю. Просто отмечаю.

Савельев слушал этот обмен со стороны, не вмешиваясь, — новый в команде, ещё соотносящий чужие интонации с тем, что видел на прежней службе.

— У вас все разговоры так заканчиваются? — спросил он наконец.

— Не все, — сказал Рогов. — Иногда я ещё и шучу.

* * *

Вечером я закрылся у себя. Для того, что предстояло, хватало кресла, оверлея и тишины — больше ничего не требовалось.

— Готовы данные? — спросил я вслух, зная, что Архон услышит через контур комнаты так же ясно, как услышал бы прямую команду по каналу.

— Полная адаптация к объёму сети завершена этой ночью, — сказал Архон. — Проанализированы котировки за одиннадцать лет по западным площадкам — Нью-Йорк, Лондон, Франкфурт, — модели ценообразования шестнадцати классов активов, календарь корпоративной отчётности на следующие два квартала. Отдельно изучены схемы структурирования капитала через офшорные юрисдикции и методы, которыми обычно скрывают источник средств: без этого архитектура осталась бы красивой витриной без защиты внутри. Архитектура готова: семь торговых счетов через четыре юрисдикции — США, Британия, Швейцария, Каймановы острова, — ни один не связан с другим напрямую.

— Показывай, — сказал я.

— Валютная пара, евро к доллару, — сказал Архон. — Высокая ликвидность и минимальный риск проскальзывания — хорошая площадка для первого реального теста. Предлагаю открыть позицию объёмом в шестьдесят тысяч долларов. Уточню: это почти весь резерв команды на непредвиденные расходы.

Шестьдесят тысяч — почти всё, что у нас оставалось: моя пенсия, выходное пособие Рогова и остаток денег Вейса, сведённые в одну сумму ещё в первую неделю — на случай непредвиденных расходов снаружи. Непредвиденный расход и наступил, только не с той стороны, откуда мы его ждали.

— Знаю, — сказал я Архону. — Альтернатива хуже.

В оверлее развернулся график — тонкая дрожащая линия, за которой стояли, как я теперь понимал, миллионы решений миллионов людей, ни один из которых не подозревал, что на другом конце сделки сидит искусственный интеллект возрастом в сорок семь тысяч лет.

— Действуй, — сказал я.

Сделка закрылась через двадцать минут молчания — я успел просмотреть треть переданной мне сводки по военной доктрине, прежде чем в углу оверлея вспыхнула цифра.

— Плюс три тысячи, — сказал Архон. — Прогноз подтверждён с точностью выше расчётной.

— И всё? — спросил я, тут же услышав, как нелепо это прозвучало для такой суммы.

— Именно так это выглядит каждый раз, — сказал Архон. — Один результат — просто точка на графике. Предлагаю второй тест — другой класс актива, для независимой проверки модели.

Вторая сделка заняла больше времени: акции энергетической компании средней капитализации двигались медленнее валютной пары, и я успел закончить сводку про «Рубеж», прежде чем Архон произнёс «закрываю».

— Плюс двадцать семь тысяч, — сказал он. — Совокупный результат за два теста — тридцать тысяч долларов при исходном капитале в шестьдесят тысяч.

Я посмотрел на цифру дольше, чем она того заслуживала как строчка на экране.

— Это уже похоже на решение проблемы, — сказал я. — Причём быстрее, чем я рассчитывал.

— Два результата ничего не доказывают статистически, — сказал Архон. — Но экстраполяция по модели, при сохранении текущей осторожности объёмов, покрывает расходы команды на месяцы вперёд уже при нынешнем темпе, без выхода на объёмы, создающие статистический почерк.

— Сколько сделок в день ты предлагаешь?

— Три-четыре, не больше, — сказал Архон. — Реже, чем позволяет модель, — ровно настолько, чтобы прибыль не превращалась в аномалию, на которую кто-то захочет обратить внимание.

— Третья сделка сегодня? — спросил я.

— Не рекомендую, — сказал Архон. — Осторожность требует пауз не только в объёме, но и во времени между операциями. Одна и та же дисциплина, применённая к обоим переменным.

— Согласен, — сказал я и закрыл оверлей, впервые за месяц позволив себе подумать о том, на что хватит уже заработанного. Раньше в голове держались только дни, оставшиеся до дна счёта.

* * *

За ужином я сказал команде о биржевых сделках.

— У команды больше нет вопроса, на что жить и развиваться, — сказал я, когда Вейс отставил тарелку, а Дарья всё ещё смотрела что-то в оверлее вполглаза. — Мы с Архоном провели первые сделки на западных биржах. Тридцать тысяч долларов за два теста — и это только осторожное начало.

— За один день? — переспросил Рогов почти без интонации. Он всегда так спрашивал про цифры.

— За один день, — подтвердил я. — Дальше — три-четыре сделки в день, если модель Архона будет держаться так же стабильно. Дисциплина теперь важнее скорости: как не привлечь внимание тем, сколько мы зарабатываем. Дальше — по формуле, которую мы с тобой уже обсуждали. Твоя контора становится официальным работодателем всех нас: зарплата по договору, без анонимных переводов. Крупные покупки контора закрывает сама, напрямую, как имущество или услугу для сотрудника. На личные счета — только небольшие суммы, без совпадения по датам с торговыми днями.

— Со стороны — обычный частный консультант с шестью сотрудниками на скромном окладе, — сказал Рогов. — Документы подготовлю на этой неделе.

— Скромный оклад — это про меня? — спросил Вейс.

— Про всех, — сказал Рогов. — Ты хотел стабильности. Роскошь как раз и привлекает внимание.

Дарья наконец подняла взгляд от оверлея.

— Одна контора — одна точка входа, — сказала она. — Если её начнут копать, под удар попадём все разом.

— Знаю, — сказал я. — Простого выхода без этого риска не существует. Держим контору чистой и не даём повода для проверки — лучшее, что можно сделать при таких вводных.

Она кивнула, не то чтобы согласившись до конца, но приняв к сведению, — я уже достаточно хорошо знал эту манеру, чтобы не путать её с одобрением.

Второе, что я озвучил, было медициной.

— Капсула умеет больше, чем мы использовали, — сказал я. — Марина сегодня утром убрала Виктору старый осколок и два хронических процесса за один сеанс. Отдельно есть режим, которым никто из нас пока не пользовался: омоложение с косметическим эффектом. Отдельная процедура, доступная по запросу. Каждый решает сам, что сохранить, а что убрать, вплоть до конкретного шрама.

— То есть можно выглядеть на двадцать пять и оставить себе одну отметину для убедительности, — сказал Рогов.

— В общих чертах — да.

— Учту, — сказал он с интонацией полного отсутствия срочности.

— А я бы оставила всё как есть, — сказала Марина. — Мне нравится собственное лицо. Оно заработано.

— Не все со мной согласятся, — сказал я.

— И не должны, — сказала она. — Это как раз тот случай, где решать каждому за себя.

Третье было тяжелее первых двух, и я не стал смягчать переход.

— Это решение я принял один, ещё до вас, — сказал я. — Если кандидат, попавший на базу, в итоге отказывается работать с нами, отпустить его нельзя. Слишком много он к тому моменту видит. Мы стираем период с момента вербовочного разговора до момента возврата, без замены на другую картину, и возвращаем человека туда, откуда взяли, под легенду обычного обморока.

Марина отложила вилку.

— Уже применяли? — спросила она.

— Ни разу, — сказал я. — Надеюсь, что не придётся. Команда должна знать протокол заранее — объяснять его на бегу, в разгар вербовки, поздно и неправильно.

За столом стало тише, чем требовала сама новость: каждый примерял услышанное к собственному месту в команде.

— И последнее, — сказал я. — Речь не о кандидатах. О нас. Если кого-то из вас возьмут в плен и начнут допрашивать физически, я хочу поставить нейроблокировку, которая переводит человека в кому раньше, чем допрос дойдёт до результата. Не смерть. Остановка, которую можно отменить только отсюда.

— Значит, если меня возьмут, я сам решаю, когда уснуть, — сказал Рогов, — и буду спать, пока вы не решите проблему за меня.

— Именно так.

— А если не решим? — тихо спросила Дарья.

— Решим, — сказал я. — Своих не бросаем. Единственное правило, которое я не готов нарушить ни при каких обстоятельствах.

— Как технически это работает? — спросил Вейс, отставив чашку. — Кома по команде откуда угодно, без задержки?

— Имплант размером с рисовое зерно, — сказал Архон. — Устанавливается капсулой, за один сеанс регенерации — так же, как сегодня утром капсула заодно с осколком поставила Виктору два диагноза. Активация — мысленная команда через оверлей, таким же усилием, как открывают канал связи. Дистанционно я её не включаю: момент выбирает сам носитель, не я.

— А если сообразить успею не сразу? — спросил Вейс.

— Тогда придётся решить раньше, чем понадобится, — сказал Архон. — Провести черту между «ещё терплю» и «пора» я не могу вместо вас — это ваш выбор, имплант только его исполняет. Обратная связь физически исключена на уровне схемы: разбудить человека можно только капсулой, здесь, на базе.

— Абсолютной гарантии я не даю, — сказал Архон. — Только честную оценку рисков и выбор, который остаётся за человеком.

— Честная оценка рисков лучше, чем удобная ложь, — сказал Савельев. Помолчал, затем добавил, глядя на меня прямо: — На прежней службе правило «своих не бросаем» существовало на бумаге. Здесь, кажется, оно существует на самом деле.

— Проверите, если понадобится, — сказал я. — Надеюсь, что не понадобится.

— Надеюсь вместе с вами, — сказал он, и уголок рта у него дрогнул.

Вейс отставил окончательно остывший чай и фыркнул.

— У нас теперь есть кома вместо страховки, бессмертная кожа по желанию и контора с зарплатной ведомостью, — сказал он. — Кто-нибудь ещё чувствует, что мы стали слишком нормальными для того, чем на самом деле занимаемся?

— Отвыкай, — сказал Рогов. — Нормальность у нас теперь тоже маскировка. Работает так же, как и любая другая.

Дарья фыркнула первой, за ней рассмеялась Марина, и даже Савельев позволил себе короткую усмешку. Ужин закончился обычным застольным шумом — за последние недели он звучал здесь куда чаще, чем тишина первых дней.

* * *

Утром Савельев уходил через терминал на склад — за Нуровой.

— Финансы и медицину озвучивать сам буду? — спросил он у двери.

— Полномочия есть, — сказал я. — Сумму не называй — общие условия команды, без содержания вопроса. Медицину — то же самое: лучше любой ведомственной поликлиники, без подробностей про капсулы и контуры. Подробности — здесь, если согласится.

— Понял, — сказал он и, уже развернувшись к нише терминала, добавил, не оборачиваясь: — Она согласится. Не из-за денег и не из-за медицины. Но озвучить всё равно стоит — вдруг сомнение колеблется на волосок.

— Канал связи держите открытым первые полчаса, — сказала Дарья, не отрываясь от оверлея. — Если разговор пойдёт не по плану, хочу знать раньше, чем узнаете вы сами.

— Разговор пойдёт по плану, — сказал Савельев.

— Знаю, — сказала она. — Всё равно буду слушать.

Он на секунду задержался у ниши и просто кивнул. Дарья вернулась к своему оверлею — этого хватило.

Рогов проводил его взглядом до самой ниши.

— Второй месяц команда растёт, — сказал он в пространство, — а я до сих пор помню время, когда нас было трое и разговор о деньгах заканчивался цифрой, от которой хотелось молчать неделю.

— Помню, — сказал я.

— Не жалею, — сказал он. — Просто отмечаю.

Портал под ногами Савельева вспыхнул и погас, оставив в порталном зале пустоту, ничем не отличавшуюся от той, что была здесь минуту назад, — разве что я знал теперь, чем она на самом деле заполнена.

Глава 10

Од

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.